

ОГОНЁК

№ 52 ДЕКАБРЬ 1961

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 52 (1801)

24 ДЕКАБРЯ 1961

39-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Покорись, Енисей!

В воду полетел камень с надписью «Покорись, Енисей!»... Так два года назад строители будущей плотины Красноярской ГЭС начали наступление на могучую реку. А сейчас в основании плотины уже лежат тысячи кубометров бетона, вырос город строителей Дивногорск. Так поэтично может назвать свой город, пожалуй, только юность. И действительно, среди 11 тысяч рядовых строителей ГЭС очень много молодежи. И едут, едут сюда со всех концов страны все новые посланцы комсомола. Не только романтика трудностей, нехоженных троп влечет их на Енисей, но и те грандиозные задачи, которые поставлены перед строителями: энергия Красноярской ГЭС должна быть самой дешевой в мире — 0,03 копейки за киловатт-час.

Эта дешевизна в большой мере объясняется исключительно удобными инженерно-геологическими условиями на месте сооружения станции. Природа будто нарочно создала гранитное русло Енисея, которое называют «Енисейской трубой». Да, для гидроцентрали геологи и геодезисты нашли хорошее место.

И, может быть, потому эти профессии здесь в большом почете.

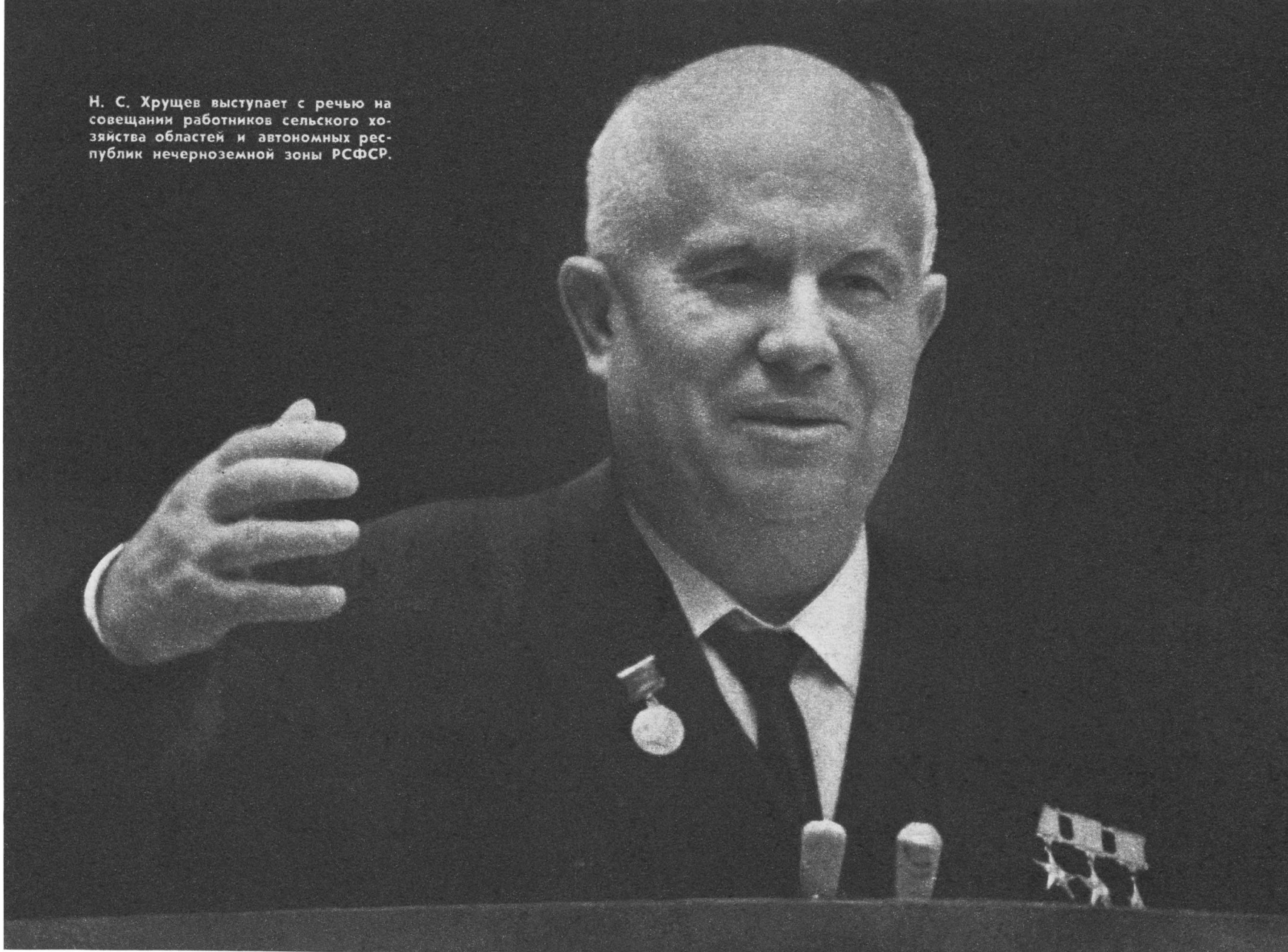
Комсомолки Валя Кобычева из Камска и Лида Мушкатова из Кузбасса приехали на сибирскую стройку после окончания средней школы и овладели здесь славной профессией: они геодезисты.

Сейчас молодые геодезисты работают там, где будет вторая перемычка, которая перекроет Енисей.

На снимке: Валя Кобычева и Лида Мушкатова.

Фото В. Кругликова.

Н. С. Хрущев выступает с речью на совещании работников сельского хозяйства областей и автономных республик нечерноземной зоны РСФСР.

ДАЛЬНЕЙШИЙ ПОДЪЕМ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА — ДЕЛО ВСЕЙ ПАРТИИ, ВСЕГО НАРОДА, ЭТО ТОТ РУБЕЖ КОММУНИЗМА, КОТОРЫЙ МЫ ДОЛЖНЫ БРАТЬ ВСЕЙ МОЩЬЮ СОВЕТСКОГО СТРОЯ.

Фото А. Гостева.

Н. С. Хрущев

ДЕНЬ
ЗА
ДНЕМ

Самые лучшие пожелания счастья и процветания народу Индии от советских людей передал прибывший с визитом мира и дружбы Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев. Государственные деятели, тысячи простых людей сердечно приветствовали посланца Советского Союза, страны, связанной с Индией узами искренней дружбы.

«Дружба Советского Союза и Индии, — сказал Л. И. Брежнев, — это прежде всего дружба двух миролюбивых государств, сотни миллионов граждан которых выступают за мир, свободу и независимость всех народов. В этом самая прочная основа наших добрых отношений».

На снимке: Л. И. Брежнев и премьер-министр Индии Джавахарлал Неру.

Фото специального корреспондента ТАСС В. Соболева (Принято по фототелеграфу).

НОВЫЕ КВАРТИРЫ — ЦЕЛИННИКАМ

Виктор Голубев — шофер целинного совхоза «Комсомольский», Павловского района, встречая Новый год, отпразднует и новоселье. Его семья получила двухкомнатную квартиру в благоустроенном четырехэтажном доме.

Двери всех 48 квартир этого дома приветливо распахнулись перед работниками совхоза. Каждая семья получила отдельную квартиру.

А в самый канун Нового года в совхозе будет заселен второй такой же дом.

Центральная усадьба совхоза все больше напоминает поселок городского типа. Здесь Дом культуры, детский сад, школа, баня, пекарня, несколько магазинов.

Строительство многоквартирных домов идет и в других совхозах Алтая.

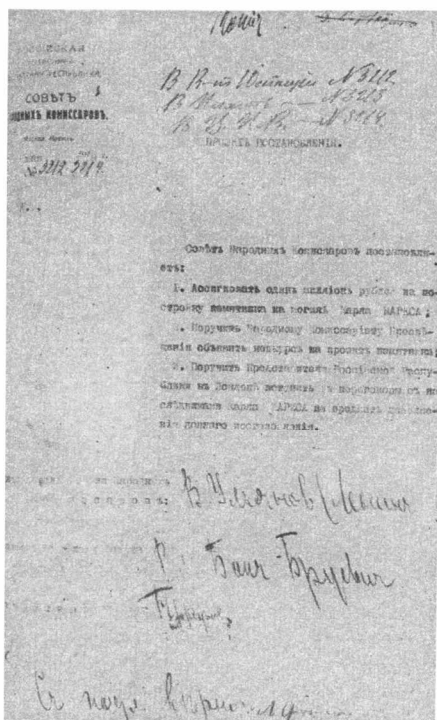
Фото В. Николаева (ТАСС).

Городок ученых

Так будет выглядеть городок грузинских ученых. Он строится в центре Тбилиси, на высоком плато. В двух больших корпусах на крутом берегу Куры уже разместились институты строительного дела, энергетики, геофизики, географии. Уже работает в городке и вычислительный центр Академии наук и ряд лабораторий. Дотраивается колоссальное здание термобарокамеры для геофизиков, успешно работающих над проблемами борьбы с градом. Начинается строительство фундаментальной научной библиотеки, рассчитанной на хранение трех миллионов томов.

Фото А. Вахьяна.

Документ хранится в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Подписано Лениным

Это было в первые годы Советской власти. ВЧК сообщала о раскрытии в Москве крупной контрреволюционной организации, связанной с Деникиным. На Украине хозяйничал гетман Скоропадский, и в Киеве служили молебны за здоровье бывшего царя. На Дону, где еще недостаточно окрепла Советская власть, стало поднимать голову белогвардейское казачество с генералом Красновым во главе. Это было трудное для нас время интервенции и блокады, голода и разрухи, но именно в эти грозные дни было принято решение ассигновать один миллион рублей на памятник Карлу Марксу в Лондоне, на его могиле. Вот текст этого исторического документа:

«Совет Народных Комиссаров постановляет:

1. Ассигновать один миллион рублей на постройку памятника на могиле Карла Маркса;

2. Поручить Народному Комиссариату Просвещения объявить конкурс на проект памятника;

3. Поручить Представителю Российской Республики в Лондоне вступить в переговоры с наследниками Карла Маркса на предмет исполнения данного постановления.

Председатель Совета Народных Комиссаров: В. Ульянов (Ленин)

Управляющий Делами Совета Народных Комиссаров:

Вл. Бонч-Бруевич.

Секретарь Совета:

Н. Горбунов».

По ряду причин это решение было выполнено не сразу. Понадобились годы упорной борьбы, пока удалось наконец на Хайгетском кладбище установить скромное бронзовое надгробие.

С. БУРДЯНСКИЙ

Продаются ИЗОТОПЫ

И директор и продавец этого магазина — инженеры.

Демонстрационный зал-магазин изотопов, только что открывшийся в Ташкенте, будет обслуживать нужды народного хозяйства Средней Азии и Казахстана.

На снимке: инженер Дж. Абидов готовит к демонстрации экспонаты в зале защитного оборудования.

Фото В. Крупина.

СОВЕТ РЕСПУБЛИКИ

На днях в Москве закончила свою работу пятая сессия Верховного Совета РСФСР. Верховный Совет принял Закон о Государственном плане развития народного хозяйства РСФСР на 1962 год, Закон о Государственном бюджете РСФСР на 1962 год, утверждены Указы Президиума Верховного Совета РСФСР.

На снимке: идет сессия Верховного Совета РСФСР.

Фото А. Гостева.

Сквозь даль времен

Афиша, извещавшая о новой постановке Театра имени Маяковского, необычна: «Спектакль-концерт с участием симфонического оркестра, хоровой капеллы, хореографической группы...»

Но вот на сцене появилась Е. Козырева, играющая Медею в трагедии Еврипида. Она еще не произнесла ни слова, только беспокойно метнулась между колоннами... И горе человека, узнавшего большую беду, обожгло зрительный зал.

Несмотря на даль времен, трагедия Еврипида волнует зрителей. В этом победа постановщика спектакля Н. П. Охлопкова. Он свел декорации до минимума и оставил актера один на один со зрителем.

Сильно и ярко раскрывает спектакль душу страдающего человека, несправедливо униженного обществом. Видно, как мера терпения человеческого переопределяется — человек поднимает бунт против злой силы, стремящейся растоптать его. В неистовстве своего бунта Медея губит не только врагов — ее жертвой становятся даже собственные, нежно любимые ею дети... Женщина мстит страшно, чудовищно — за поруганное чувство, за поправное человеческое достоинство. Но чем ужасней содеянное Медей, тем яснее и преступление, совершенное против нее самой.

Фото Ал. Лесса.

Так, переплетаясь с мотивом обманутого доверия, обманутой любви, звучит во весь голос трагедия социальная, общественная. О том, какого накала достигает эта трагедия, можно судить по удивительной, я бы сказал, благоговейной тишине, царящей в зале во время представления.

А. МОРОВ.

На снимке: Медея — Е. Козырева.

Фото А. Гладштейна.

С новым чемпионом!

Итак, мы на финише всеобщего чемпионата и первым встречаем там Бориса Спасского. С первого же тура взял он мощный старт, показал равные результаты в середине турнира и сохранил силы для удачного финиша. Казалось, что на пути к победе молодой гроссмейстер может не опасаться ни расстроенного неудачами В. Смыслова, ни потерявшего немало очков на ничьих М. Талья, ни миролюбивого Д. Бронштейна, ни нервного Р. Холмова, усталого П. Кереса, слишком спокойного Ю. Авербаха и бурного Е. Васюкова. Многим уже казалось, что Спасский «шутя» завоеует золотую медаль. И все же среди участников нашелся один гроссмейстер, на финише, почти догнавший призера. Это был Лев Полугаевский. Он начал весьма скромно — с поражения от В. Смыслова, и после первых туров при подсчете очков в таблице его имя фигурировало среди «и другие». Но начиная с 11-го тура куйбышевский гроссмейстер развил такой «бешеный» темп, что набрал 8,5 очка из 10! А когда Спасский проиграл партию Л. Шамковичу, разрыв между ним и Полугаевским сократился до минимума — половины очка. Только последний тур мог решить, где будет находиться резиденция чемпиона СССР 1961 года — в горо-

де на Неве или впервые в истории на Волге.

Как известно, партии Спасский — Васюков и Полугаевский — Керес закончились мирно. Итак, наконец-то восьмая попытка Бориса Спасского стать чемпионом СССР увенчалась успехом. Молодой гроссмейстер показал в Баку превосходную игру.

Если бы дистанция в турнире не была бы столь «короткой» — 21 тур, то, как убеждены куйбышевцы, Лев Полугаевский обязательно догнал бы Спасского. Но надо признать, что и второе место в первенстве СССР является для Полугаевского большим успехом и его лучшим спортивным достижением. Если констатировать, что Д. Бронштейн из первых десяти партий девять свел вничью и только затем начал играть воем, то возникает резонный вопрос: неужели такой талантливый шахматист не мог разыграть рабыше?

Не только у нас, но и за рубежом, узнав об итогах первенства, удивленно спросят: «Что случилось с Талем?» Но тут надо помнить лишь об одном: чемпионат СССР не тот турнир, в котором даже такой великолепный турнирный боец, как Таль, может занять первое место по заказу.

Надо надеяться, что М. Таль сам

Борис Спасский.

выскажется по поводу своих результатов, но одно бесспорно: экс-чемпиона мира стали меньше бояться. Самый молодой участник турнира В. Савон отказался от предложенной Талем ничьей, а самый старый участник чемпионата Р. Неметдинов «разговаривал» с Талем на таком остром языке, что тот еще долго будет вспоминать учиненный ему разгром. Все же рыцарь на финише — четыре победы — напомунает всем, что Таль — это Таль...

Сало ФЛОР, международный гроссмейстер

В ОЖИДАНИИ ЗИМЫ

Александр ПРОКОФЬЕВ

1

Ноябрь, ноябрь... А снега нету.
Где вьюг, метелей кутерьма?
В Сибири задержалась где-то,
Саяны выбелив, зима.

Но все ж она не за морями,
И хоть пустынь небеса,
А заалели снегирями
Мои приневские леса.

И дальше к морю нет затишья.
Там, где сосна в гранит выросла,
Холодных волн кипенье слышно,
Уключин скрип и всплеск весла.

И все ж вот-вот метелью ахнет
И охнет вьюгой зима,
Уже зазимком остро пахнет,
Ну, а за ним она сама

Придет, влетит, примчит, нагрет,
Через Урал перевалив,
И, как ремнями, быстро стянет
Шугой наполненный залив.

2

Леса изрядно поределели,
Синь сдута, сдернута с небес,
Снег выпал только на неделю,
Она минула — он исчез.

Не те, видать, нам быют поклоны
Ветра с зари и до зари,
Опять виной антициклоны,
Опять все врут календари!

Но мгла над речкой за клубилась,
И все ж зазимком бредит край,
Зима подолом зацепилась
За очень маленький припай.

Еще в природе двоевластье,
Порою брезжит блеклый луч,
Но где-то кони белой масти
Вот-вот взвоятся из-под туч

И на санях помчат поляной
С веселой русской зимой,
С такой до зависти румяной,
Чьи брови крашены сурьмой...

Гоа, 1955 год. Град пуль обрушили салазаровские каратели на мирных демонстрантов, выступивших против колонизаторов.

На карте Индии, там, где западное побережье полуострова Индостан омывают воды Аравийского моря, выделялись три пятна, закрашенные «чужой» краской. Это были заморские владения португальских колонизаторов, более четырех веков назад захвативших индийские земли, на которых сейчас живут около 650 тысяч человек.

Народ Гоа, Дамана и Диу издавна вел борьбу против португальских колонизаторов, стремился к объединению с родной Индией. Расстрелы, тюрьмы, зверские репрессии салазаровцев не могли погасить стремления народа к свободе.

Правительство Индии предприняло много усилий, чтобы мирным путем освободить Гоа, Даман и Диу. Эти территории стали очагами военных провокаций против Республики Индии. В таких условиях индийское правительство было вынуждено направить в эти районы войска, чтобы изгнать португальских захватчиков со своей земли.

Части индийской армии вступили на исконные земли Индии. Салазаровские войска капитулировали. Многомиллионный народ Индии приветствует освобождение своих братьев.

Радость индийцев разделяют все свободолюбивые люди мира. Совсем другие чувства охватывают партнеров Португалии по НАТО. Как не скорбеть им, когда из военных сетей НАТО ускользают важные опорные пункты в Азии.

Долгое время таким пунктом был и незаконно отторгнутый голландскими колонизаторами у Индонезии Западный Ириан. В эти дни президент Сукарно заявил, что Индонезия будет вынуждена применить силу для освобождения Западного Ириана от голландских колонизаторов, если они не прекратят провокаций против индонезийского народа.

Колонизаторы терпят в Азии поражение за поражением. Недалек день, когда ни пяди азиатской земли не останется в их руках.

МЭРИ ВОЗВРАЩАЕТСЯ В ГОА

К прошлому Новому году мы получили от Мэри весточку. Она пришла из далекой Индии в Москву. Поздравления обычно посылают на праздничных открытках. Мэри выбрала совсем другую, печальную. И то, что она не смогла написать, потому что ее никто не учил грамоте, рассказал рисунком. Мэри так же, как и раньше, ждала, когда ее родина Гоа будет свободной. Я познакомился с Мэри Пайрес в Бомбее, когда, приехав туда по делам, остановился у своих друзей.

АЗИЯ ГОНИТ КОЛ

**ПО БЕЛУ
СВЕТУ**

Конверты с названиями крупнейших агентств мира. В конвертах — фотографии. Они рассказывают о событиях, которые происходили в последние дни 1961 года. Это, конечно, далеко не полный рассказ. Но когда просматриваешь снимки, сделанные в разных уголках планеты, то перед глазами возникает образ богатого событиями изменяющего свое лицо мира.

Итак, год 1961-й, декабрь...

На какие только увертки не шли реакционные круги Запада, чтобы помешать Монгольской Народной Республике занять свое законное место в Организации Объединенных Наций! Тщетно! Сегодня представители социалистической Монголии принимают активное участие в работе Генеральной Ассамблеи и комитетов ООН. На снимке вы видите делегата МНР тов. Дондогйна Цзвэгмида, выступающего на одном из заседаний.

Декабрь — радостный месяц в жизни народа Танганьики. В этом месяце, на рубеже нового года, страна у подножия Килиманджаро получила независимость. С улыбкой передает премьер-министр самого молодого государства в мире Юлиус Ньерере символический факел единства первому африканскому офицеру армии Танганьики — лейтенанту Ньеренда.

Эти снимки сделаны в Санто-Доминго, столице Доминиканской Республики. Штыками пытаются защититься от гнева народа последыши диктатора Трухильо. Трещит прогнивший режим, ставящий интересы американских монополий превыше всего. Жители доминиканской столицы, возмущенные реакционной политикой, вдохновляемой Соединенными Штатами, атаковали американское консульство и, как сообщают, «нанесли ему серьезный ущерб». Полиция применила пулеметы, гранаты и бомбы со слезоточивым газом.

Фото АПН, ЮПИ, Джапан пресс и английского журнала «Сфир».

Другой снимок. Он сделан на другом краю света, в Японии. Также антиамериканская демонстрация. Молча смотрят американцы в военной форме на нескончаемую колонну людей, несущих плакаты со словами «Янки, го хоум!». Жители Ивакуни (префектура Ямагути) не хотят, чтобы на их рыбацкие лодки ложилась зловещая тень американского авианосца «Рейнджер», несущего на борту ядерное оружие.

Мэри жила у них. Хозяин квартиры, сдав ее, оставил там свою служанку присматривать за имуществом.

Мэри была маленькая и хрупкая, и все давали ей не больше 16—18 лет, хотя на самом деле ей исполнилось уже двадцать пять. Она была бесшумна и молчалива.

Мэри приехала из деревни, которая находится недалеко от главного города Гоа — Панджима. На фотографии, которую она нам показала, виднелась прислонившаяся к дереву хибарка. Земли своей не было. Вся семья работала на богатого господина — одного из потомков иностранных захватчиков, пришедших сюда 400 лет назад.

Когда Мэри исполнилось 10 лет, умер отец. Он умер не от старости: в колониях от этого не умирают. Он, а вслед за ним и жена брата погибли от недоедания, болезней. Жизнь стало совсем тяжело.

Первым ушел из дому брат. Он уехал в Бомбей. Вскоре туда же собралась и Мэри. Тяжело ей было расставаться с родными, но еще тяжелее — с Джоном, который очень ее любил.

Они не могли пожениться, потому что и у Джона в доме была нужда. Он еле содержал больных родителей. Мэри и Джон надеялись на будущее — настанут лучшие времена, она вернется в Гоа, и они заживут вместе.

Однажды девушка сказала нам, что из Гоа приехал ее друг и она уходит гулять. Потом к ней стал заходить Джон. Он был высоким и худой, и выглядел почти вдвое старше своих лет. Парень тоже бросил дом и приехал сюда искать работу, попытаться устроить свою жизнь. Юноша и девушка часами сидели и о чем-то тихо беседовали. За три месяца, что Джон прожил в Бомбее, я ни разу не слы-

шал его смеха. Но все-таки им было хорошо: они были вдвоем.

Неожиданно из Гоа пришло письмо. У Джона дома случилось несчастье — и Мэри опять осталась одна.

Когда я уезжал из Бомбея, мне очень захотелось сделать Мэри какой-нибудь подарок. Я спросил девушку, чего ей больше всего хочется. Она посмотрела на меня и, отведя в сторону глаза, ответила: «Домой, в Гоа».

Большие события всегда связаны с судьбами людей. И, узнав об освобождении Гоа от португальских колонизаторов, я прежде всего подумал о Мэри. Наверное, и к этому Новому году мы получим от нее открытку. Рисунок на ней, я уверен, будет радостный, и придет он из Гоа.

Георгий ИСАЧЕНКО
(АПН)

Боевое искусство

WEG FREI FÜR DEN FRIEDEN!

Д. Хартфильд.
ДОРОГУ МИРУ!

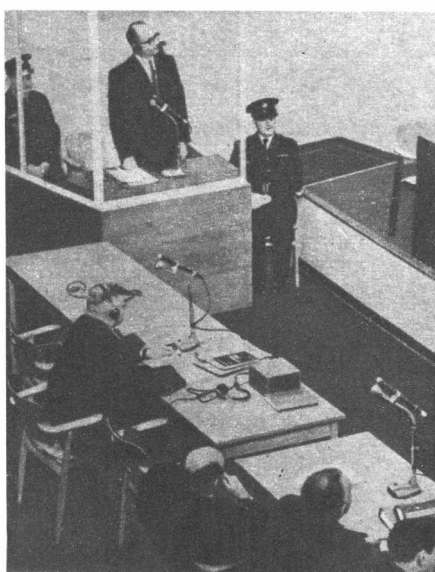
ОНИ ЗАТОРОВА!

На веревке сушатся фотографии. Агентство ЮПИ представляет: «Самые знаменитые матери со своими детьми». Четыре актрисы, принцесса, жена президента. Славные мордашки малышей. Присмотритесь к первому снимку справа, в нижнем ряду. Маленькая Трейси, дочь актрисы Мэй Бритт, не подозревает, сколько пришлось испытать ее родителям. Шведка по национальности, Мэй Бритт позволила себе «неслыханную дерзость» — вышла замуж за негритянского певца и танцора Сэмми Дэвиса. Это вызвало целую бурю в Америке. Расисты грозили смертью актрисе и ее мужу, под их окнами устраивали демонстрации, почта приносила грязные анонимки. Впрочем, все это не только было. Это продолжается и сейчас. Средневековая дикость, с которой, наверное, еще не раз придется столкнуться Трейси Дэвис, в отличие от мальчика, улыбающегося на снимке в верхнем ряду. Его имя — Джон Кеннеди-младший...

На судебном процессе в Иерусалиме поставлена последняя точка в карьере нацистского военного преступника Адольфа Эйхмана. Гитлеровский палач, на руках которого кровь миллионов людей, приговорен к смертной казни через повешение. Мировая общественность с удовлетворением встретила этот справедливый приговор. Она требует наказания и других деятелей третьего рейха, виновных в чудовищных злодеяниях, но разгуливающих сегодня на свободе и даже занимающих высокие посты в боннском кабинете и в НАТО.

Есть немало сказок о добрых гномах, которые преподносят рождественские подарки. Но существуют и другие «гномы». Милитаристские круги Соединенных Штатов Америки, раздувая в стране военный психоз, осуществили проект «Гном» — подземный взрыв ядерного устройства, упрямого в специальную пещеру. Несмотря на заверения о «полнейшей безопасности» эксперимента, на поверхность земли вырвалось ядовитое радиоактивное облако, двинувшееся по направлению к городу Карлсбад, штат Нью-Мексико. Таков рождественский подарок, приготовленный Пентагоном.

В Берлине открылась выставка фотомонтажей и карикатур на международные темы четырех художников. Джон Хартфильд (Берлин), Александр Житомирский (Москва), Мичеслав Берман (Варшава) показали сотни политических фотомонтажей, Антонин Пельц (Прага) — рисунки.

В своих работах художники разоблачают звериную сущность фашизма, срывают маски с поджигателей новой войны, с колонизаторов и империалистов.

Выставка вызвала большой интерес у жителей Берлина.

Союз художников ГДР предполагает показать выставку в нескольких странах.

А. Житомирский.
Американская дипломатия на грани.

М. Берман.
Портрет эсэсовца.

А. Пельц. Лицие.

Их дружба завязалась в Москве, да еще в дни исторического XXII съезда партии. «Расскажи про свой Запсиб», — просит Александра Каверина Валентину Духанину.

Г. КУЛИКОВСКАЯ,
Д. УХТОМСКИЙ
Специальные корреспонденты «Огонька»

оненькая алая книжечка... Комсомольский значок на обложке... Торжественные слова: «По призыву Коммунистической партии... добровольно изъявил желание... направлен...»

Нет, это не просто книжечка, а пропуск в будущее! С комсомольской путевкой юноши и девушки корчевали тайгу на Амуре и поднимали Магнитку. С ней они покоряли целину и электрифицировали Транссибирскую магистраль... Ими, людьми с комсомольской путевкой, создается ныне за Уралом гигант черной металлургии — Западносибирский комбинат. Пятнадцать тысяч юношей и девушек — это девять десятых всего коллектива — обосновались в новых, ими же построенных домах на правом берегу Томи... Пятнадцать тысяч путевок, и у каждой путевки своя судьба.

Валина путевка была, вероятно, особенно счастливой...

Всего полтора года назад приехала из маленького тамбовского городка энергичная, веселая девчонка, сварщица Валентина Духанина. Приехала — и стала сибирячкой. Варила арматуру, сажала тополя и астры вокруг своего арматурного цеха, проводила, как партгруппорг, в бригадах беседы, ездила на сенокос в подшефный колхоз и писала домой сестре: «Приезжай, Маринка, обучу тебя сварке, поступишь у нас в институт...» И Маринка приехала. И Маринка и еще несколько тамбовских девчат.

А осенью избрали Валию делегатом на XXII съезд партии. Избрали и дали строгий наказ: «Зови к нам народ!»

...Отряд рабочих и работниц Подмоскovie уезжал теплой октябрьской ночью. На Казанском вокзале был, конечно, митинг, и на митинге Валя Духанина сказала: «У нас неплохо. Есть техникумы, вечерний институт, есть Дом молодежи и клуб «Комсомолец»...»

А потом стали собираться в дальнюю дорогу москвичи. И среди них Александра Каверина, делегат XXII съезда партии, брошюровщица 1-й Образцовой типографии.

«Партия верит комсомолу, советской молодежи и зовет наше молодое поколение вперед — на штурм, на стройки коммунизма», — сказал Никита Сергеевич Хрущев на XXII съезде партии.

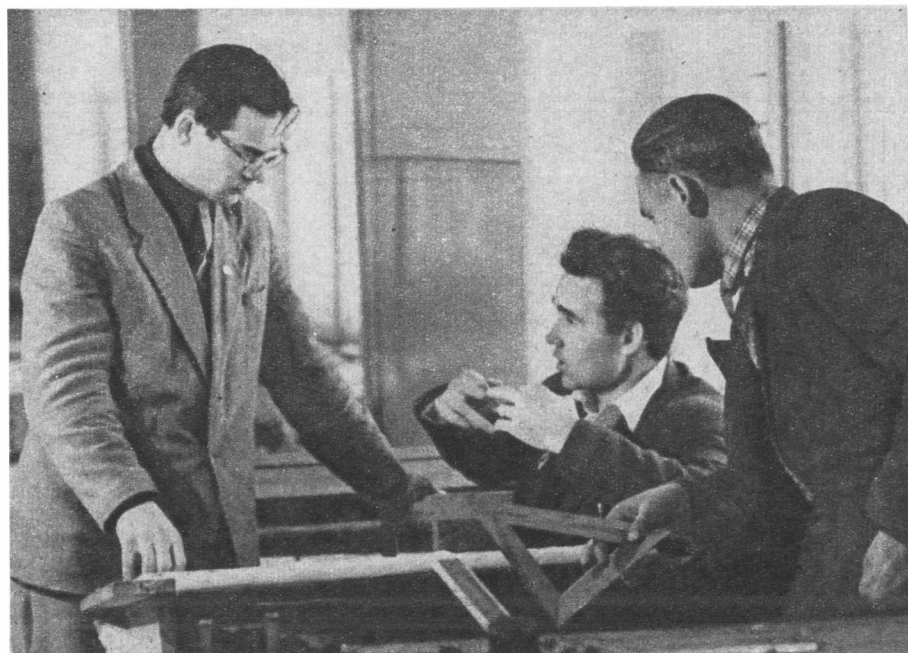
И молодежь едет! Западносибирская сталь будет!

Партия верит

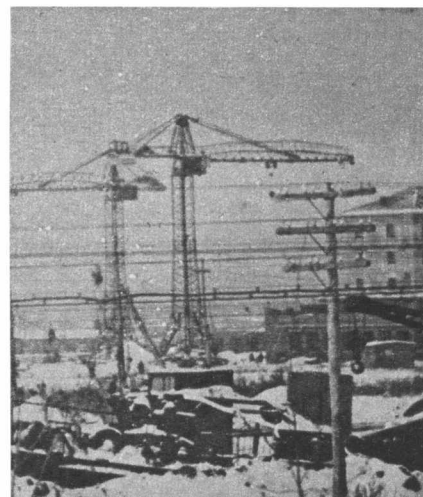

17 ноября к заиндевевшему вокзалу Новокузнецка подошел московский поезд. Но Каверина и ее земляки не почувствовали тридцатиградусного мороза: так тепло встречали москвичей сибиряки.

Идет дневная смена.

Эти трое — комсомольцы из Ростова. Геннадий Булатов, Владимир Аникин и Владимир Тарасенко вместе учились в институте, вместе писали диплом. Писали тут, на стройке. Спроектировали открытый полигон для железобетонных изделий и сами его построили. А как построили, так и остались. Пример оказался заразительным. Сюда приехали еще пятнадцать ростовских инженеров.

Когда Маринка приехала на стройку, Валя стала обучать ее сварке. А теперь обе сестры Духанины учатся: Валя поступила на курсы по подготовке в техникум, а Маринка готовится в металлургический институт.

А на стройку все едет и едет народ. Десятиклассники, воспитанники школ ФЗО и училищ, воины, демобилизованные из армии... Приехали и моряки Северного флота. Сибирь зовет!

Четыре с половиной года назад на этом месте белели палатки. А теперь здесь кварталы города. Поселок растет, он рад принять каждого, кто решил строить Заполю.

«Руки выразили все». Этот снимок прислан Ю. А. Гагарину из Праги.

Вл. РУДИМ

«Самое интересное только начинается!»

Мне не вспомнился океанский прибой, когда я просматривал письма, идущие в адрес двух советских космонавтов. Подобны могучим волнам эти послания. На десятках тысяч конвертов короткие строки: Москва, Юрию Гагарину; Москва, Герману Титову. Многие пишут только фамилию, кое-кто выводит лишь имя и отчество: Юрию Алексеевичу, Герману Степановичу, — все равно получат! Есть и такой адрес: Москва, космос, герою.

На почтовых штемпелях читаешь названия крупнейших городов и маленьких поселков, деревень. Рядом с Волгоградом и Тбилиси — казахский поселок Чурубай-Нура и северо-осетинский аул Цей, рядом с сибирским Братском — якутский поселок Люксюгон и молдавские Чобручи. Нью-Йорк — и итальянский городок Марина ди Масса, Токио — и порт Дуала в Камеруне, Лондон — и маленькая Билма в Нигерии...

«Это — подвиг, равного которому не было и нет в истории», — сказал Никита Сергеевич Хрущев о полете в космос. И еще хочется привести его слова: «Мечта о покорении космоса — действительно величайшее из величайших мечтаний человека. Мы гордимся тем, что эту мечту, эту сказку сделали былью советские люди».

Давайте же сядем рядом с прославленными космонавтами и, воспользовавшись их разрешением, посмотрим почту мира.

С чего же начать? Вот хотя бы с прямоугольничка, украшенного рисунком космического корабля. «Сердце мое горит от такого великого подвига, — пишет колхозница Елена Савельевна Моргунова из Крыма, из деревни Айвазовка. — Мы гордимся нашей Родиной, нашей дорогой партией, которая растит таких героев». Это было первое письмо, которое я раскрыл, и оно все время вспоминалось. Очень удачно сказала Елена Савельевна: сердце горит! Такое же горение сердца чувствовалось в каждом новом письме, в каждой новой строчке. На конверте штемпель: Куйбышев, октябрь 1961. А в письме — поздравление Юрию Гагарину и Герману Титову от учительницы-пенсионерки Екатерины Михайловны Артемьевой. Конечно, семидесятилетняя женщина горда и счастлива. Но и огорчена кое-чем: «Среди моих учеников много летчиков, врачей, инженеров. Есть удостоенные высокого звания Героя Советского Союза. Но вот летчика-космонавта нет. Как жаль, что я родилась немножко рано!» Что нам расскажет листок из тетради? Пишет Е. Соловьева из Тирасполя: «Дети спешат жить, потому что им кажется: пока они вырастут, все уже

РЕПОРТАЖ О СЕРДЦАХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ

будет освоено и им уже будет не интересно. А я думаю: самое интересное начинается именно сейчас. И дальше будет все увлекательней! А. Чернов из Кировограда предлагает на месте приземления первых космических кораблей «Восток» соорудить памятник. Пусть он, поднявшись над колхозной пашней, напоминает, подобно памятникам на Бородинском поле, о славе великого народа!

Счастлив, что я этой силы частица

Эти письма разложены не по республикам, а по областям — так их много. Каждую такую папку хочется сравнить со слитком золота: размеры невелики, а вес, а цена большая! Здесь — обязательства, славные дела тружеников городов и сел, дела, на которые вдохновили наших соотечественников грандиозные успехи в освоении космоса. Здесь можно узнать о трудовой доблести строителей Братской ГЭС и целинников Казахстана, рыбаков Балтийского моря и нефтяников Татарии, строителей Черемушек и добытчиков якутских алмазов — одним словом, здесь вся страна!

Нет им числа — простым, деловым, волнующим рапортам Отчизне и родной партии! Наши современники думают так, как писал еще Маяковский: «Я счастлив, что я этой силы частица».

Среди писем встречаешь и такие строки, их тоже не прочтешь равнодушно: «Мы живем в Волгограде. Мой муж Николай Васильевич — тракторист-машинист, я работница общественного питания. В честь великих достижений советских космонавтов мы взяли на воспитание ребенка — Валечку. Таисия Ивановна Улитина».

В одном из конвертов большая фотография: бюст первого в мире космонавта, высеченный из серого гранита рижанином П. Бандерсом. А москвич прислал вырезку из французской газеты со снимком — бюст Гагарина, выполненный художником Марком дю Плантае.

Люди радуются и делу, которое совершают в честь побед над космосом, и тому, что у них есть совпадения с черточками из биографий космонавтов. Радые земляки, рады однофамильцы и тезки. Таких очень много.

Процитируем юного москвича третьеклассника Борю Гагарина: «Недавно меня приняли в пионеры. Когда мне вручала старая большевичка пионерскую книжку и назвала фамилию Гагарина, то мне так аплодировали, как будто бы не я был там, а вы, Юрий Алексеевич. Теперь я все силы приложу, чтобы стать таким же человеком, как и вы. Я мечтаю быть вашим учеником и летать вместе с вами еще дальше, выше. А как интересно будет — сядут два Гагарина и полетят на Луну, на Марс!»

Телеграмма из Мытищ: «Родились два сына. В честь космонавтов названы Юрием и Германом. Прошу в гости. Семин».

В далеком Северном Вьетнаме, в семье Чын Нгок Тхуна, назвали сына, родившегося в день полета Гагарина, именем, которое в переводе на русский язык означает Красный революционный ветер.

А что в следующем конверте? Приглашение на свадьбу! Приглашений на свадьбу и просто в го-

сти столько, что у космонавтов не хватило бы и жизни, чтобы побывать всюду.

Григорий Кополешвили живет в Тбилиси, и этим уже кое-что сказано: «Я не уполномочен от грузинского правительства, но я уполномочен женой, сыном и дочерью — мы приглашаем вас к себе. Вспомните слова Маяковского и Максима Горького о Грузии, и вы будете довольны нами. Только прошу сообщить за две недели раньше, у нас такие обычаи, гостя надо хорошо встретить».

Владимир Дяденко и Зинаида Овчаренко с шахты Ново-Дружевская просят: «Приезжайте! Нет, мы не шутим, мы в самом деле хотим видеть вас на нашей свадьбе».

Все в космос!

Каждый, кто был в тот день на Красной площади, никогда не забудет ее ликования и песенных, ярких колонн. Столица чувствовала первого космонавта. Среди множества лозунгов, проплывавших над головами, один был необычным и веселым: «Все в космос!» Юрий Алексеевич заметил лозунг, улыбнулся. Он улыбается и сейчас, разбирая очередную почту, где то и дело встречается фраза: «Хочу в космос!» Дети и взрослые рвутся в звездные выси. И так как всех невозможно назвать, то расскажем лишь о самых восторженных — о детворе. «Просим зачислить нас в космическую команду», — пишут учащиеся 5 «А» класса из города Мелекесс. Шестиклассник Игорь Тимофеев из Чернигова спрашивает: «Будет ли в СССР открыт институт, где бы обучали и готовили космонавтов? Я понял, что эра «Человек в космосе» открыта!» Володя Коваленко из Комсомольска-на-Амуре давно хотел стать космонавтом, но это была «только смутная мечта». Теперь он твердо решил стать космонавтом. Важное решение вызвало и важное признание: «До сих пор я учился, прямо скажу, плохо, но я даю вам честное слово, что буду учиться хорошо».

Вы можете подумать, что эра «Человек в космосе» будоражит душу только мальчишек? О нет! Девочки нисколько не отстают от них. «Я очень хочу быть летчиком», — пишет Нелля Зуева из Владивостока. Мечтает о полетах и Ниёле Петкевичуте из Радвилишкиса. Правда, девушке это гораздо трудней; что ж, если нельзя летчиком, то «хотя бы радисткой в самолете».

Ребята по-своему, как могут, начинают готовиться к полетам. Например, Саша Страздин (он живет в Куйбышеве, учится во 2-м классе) прыгает в парке с парашютной вышки. Игорь Сова из Днепропетровска пишет: «Я занимаюсь по утрам дома физкультурой, в школе лазаю по канату и по деревьям на самую вершину и мечтаю полететь в космос».

Присылая «заявки на космос», ребята, как и взрослые, просят фотографии космонавтов и их автографы. Три подруги из поселка Заветы Ильича просят Юрия Алексеевича: «Пришлите, пожалуйста, нам на троих хотя одну карточку».

Ребята школы № 65 города Джизак в Узбекистане создают в школьном музее отдел «До самой далекой планеты не так уж теперь далеко!». Им очень хочется иметь автограф космонавта. О, такое желание коллектива нужно выполнить в первую очередь!

Юрий Алексеевич Гагарин расписывается на открытке. Через несколько минут письмо с автографом космонавта пойдет на почту, а оттуда — в Джизак.

Фантазия ребят уже в космосе! О своих «правдашних выдумках» сообщают ребяташи Гагарину и Титову. Так мы познакомились с КЭЦ-1. Что это такое? Межпланетный корабль, а три буквы означают: Константин Эдуардович Циолковский. Да, в свое время среди космических кораблей будет и КЭЦ!

Последуем за фантазией московского школьника Коли Никитина. Побываем на самом большом космодроме нашей планеты. Здесь готовится к далекому путешествию гигантский космический корабль. Кто же и куда умчится в нем? К другой галактике отправляется Гаэлонавт — галактический электронный космонавт. Самое совершенное создание советских ученых, конструкторов, техников. Робот, который проложит путь к галактикам живому космонавту.

Металлическое чудо, состоящее из сотен тысяч деталей, будет сообщать на Землю все, что увидит, услышит, почувствует.

Частицы своих впечатлительных душ шлют космонавтам и дети зарубежных стран. Вот письма из Китая. Детским почерком выведено на конверте русскими буквами: «Для первого космического летчика тов. Тя Тя-лин». Тя Тя-лин — это Гагарин, так звучит его фамилия по-китайски. А в конверте — письма всего шестого класса амойской начальной школы. «Мы уверены, что вы скоро будете летать на другие планеты». «Я тоже буду летчиком-космонавтом». «Буду у вас учиться». И все листки подписаны так: «С революционным приветом».

Целыми классами пишут Гагарину и Титову из Англии, Франции, Соединенных Штатов Америки и других стран. «Дорогой сэр, это просто замечательно, что вы летали в космос!» — восклицает восьмилетняя девочка из Рок-Айленда. Ее соседка по парте спрашивает: «Как вам удалось подняться в космос? Любящая Линда Карлсон». «Я напишу о вас рассказ», — заявляет «ваш друг Тим Карри». «Некоторые не сразу поверили в то, что вы полетели в космос. А я поверил!» — восклицает Бонни Рассел.

Ученики школы из штата Массачусетс избрали Гагарина «героем дня» и заверяют, что выберут «героем года». А из Скарсдейла, штат Нью-Йорк, вот что написал тринадцатилетний Томи Кандел: «Я не хочу, чтобы вы смотрели на меня как на капиталиста. Считайте меня другом и обычным представителем рода человеческого».

Юный француз Николь Пфейфе из департамента Ду просит прислать для его школы советскую газету, в которой описывается полет в космос. Другие ребята тоже надеются получить «какой-нибудь знак от формы космонавта» или «хотя бы пуговицу». Школьник из Индии Гопал Прасад Кериш написал: «Все наши ребята мысленно всегда с вами. Спасибо святой земле, на которой вырос герой, как бесценный жемчуг». Кажется, что даже слышишь восторженный голосок девятилетней марокканки из Рабата: «Все советские дети должны гордиться вами. Мирей Кавассилас».

А сколько искреннего волнения

в торопливых строках англичанки: «Если бы вы могли написать мне хотя бы несколько слов, я была бы очень тронута, даже если бы вы написали по-русски. Я бы купила русский словарь, чтобы обойтись без переводчика! Что еще могу я сказать? Я очень счастлива за вас, так же как и вы сами должны быть счастливы, и хотела бы встретиться с вами. Да и кто не хотел бы? Заканчиваю свое письмо, так как чувствую себя недостойной писать герою государства и первому космонавту. Надеюсь, что это письмо для вас, Юрий, а не для какого-нибудь официального секретаря. Я не могла бы вынести этого! Привет вам. Сюзанна». Мы рады вас успокоить, Сюзанна: ваше письмо прочитано самим космонавтом. Он шлет вам сердечный привет и желает счастья.

Как всегда у детей, здесь тоже есть свои «почему», свои вопросы. «Дорогой брат, сообщи ханойской девочке, видел ли ты что-то такое, чего на земле нет?», «Видели ли вы обитателей космоса?», «Мы, дети с острова Ямайка, хотим знать, понравилась ли вам поездка в ракете?», «Должно быть, интересно летать со звездами?», «Могли бы вы подарить нам звездочку из космоса?», «Какого цвета кольцо Сатурна?», «Почему космонавты спят перед полетом? Я бы ни за что не заснул от волнения».

И, наконец, еще фраза, которая говорит всё и за всех: «Два гражданина будущего поздравляют человека, который открыл путь в будущее. Ширлин и Евгений Муссеры».

Отвоеванное знамя

Волны, мягко приглаживающие золотистый песок пляжа Плайя-Хирон, уже смыли следы своры интервентов, выпущенных на Кубу империалистами США. Песок снова чист, но героическая Куба нечужа. Об этом напоминает и подарок, присланный со славного острова, восторженно встречавшего Юрия Гагарина.

В скульптурной композиции выделяются две мужские фигуры, которые держат в руке молоток, а за плечами винтовку. Труд и бдительность! Между фигурами шар — Земля. А над нею — корабль «Восток», от которого вьется проволока-ленточка — орбита первого в мире космического рейса.

Рядом с подарком героической Кубы — письма. Так как процитировать их все невозможно, приведем два. Первое отправлено до вторжения наемных банд. Капрал Кандидо Галиндо и его жена сенора Граселья пишут: «Если бы все народы мира были такими, как ваш народ, и были бы сторонниками социалистического строя, то не было бы опасности войны для человечества. Однако если американские империалисты попробуют протянуть свои лапы в нашу страну, то мы ответим: «Родина или смерть», «Мы победим». Мы всегда готовы к бою, и никто их не боится: весь народ готов бороться до последней капли крови. Я прошу извинить меня за орфографические ошибки, поскольку я научился писать совсем недавно, когда работал утром на сахарных плантациях, а вечером посещал школу, находившуюся в 15 километрах от плантации».

Второе отправлено после из-

Этот снимок прислан Герману Титову из Горького.

В Аккре, столице Ганы, знают этого мальчика: ведь его имя — Гагарин Кваджо Мантей.

гнания интервентов. «Кубинцы — веселый народ, даже в моменты больших опасностей мы никогда не теряем хорошего настроения; это хорошо знают президент Соединенных Штатов и его наемники. После того как мы «привели в порядок» его вторжение на нашу землю, мы предложили обменять его «червей» (пленных) на тракторы для нашей страны. Я хотела бы иметь ваш портрет с автографом. У нас на Кубе вы очень популярны. Сиомара Эчеварриа — председатель Комитета защиты Революции квартала Сан Индалесло и Виа Бланка».

С какой любовью сделаны подарки, присланные космонавтам! Больше всего подарков, конечно, наших, советских. Но вот кулинарная книга от автора — шеф-повара ресторана в Вестбери в Лондоне. Скульптура сталеваара прибыла из Чехословакии. Вьетнамец Динь Тхе Кан преподносит Гагарину свою награду — Памятный значок за участие в войне Сопротивления.

Раскрываешь ящики, коробки, бандероли — и в иных из них лежат такие вещи, о которых хочется рассказать подробнее.

История, с которой вы сейчас познакомитесь, началась двадцать лет назад. Тогда, в 1941 году, гитлеровские войска были возле Киева. Одна из пехотных рот «захватила» в Василькове, под Киевом, полотнище красного знамени. Полотнище лежало в столе профкома и было новым — видимо, его совсем недавно купили и еще не прикрепили к древку. Солдат Вернер Вайнгардт спрятал знамя и хранил его все время. Хранил и после войны, когда стал жить в Западной Германии, в Ганновере. Полет Гагарина в космос решил судьбу кумача: Вернер отправил знамя в советское посольство в Бонне. И написал, обращаясь к Юрию Алексеевичу: «Сегодня я пользуюсь единственным в своем роде, особенно прекрасным поводом, чтобы возратить знамя. Вы, господин майор Гагарин, «отвоевали» знамя вместе с бесчисленными миролюбивыми сердцами во всем мире».

Последний прыжок ягуара

...Ягуар был ранен, а раненный, он очень опасен! Зверь прыгнул на человека, но это был последний прыжок ягуара — пуля вовремя пронзила хищника, он упал на землю мертвым. Этим трофеем очень гордились в семье Жоантини из бразильского города Сан-Паулу.

Жоантини больше всего на свете цтили храбрость и с гордостью хранили все, что делало честь их смелым сердцам, твердым рукам, меткому глазу. Еще дед, боровшийся в конце восемнадцатого века за освобождение страны от португальской зависимости, передал старшему сыну португальскую пулю, которой был ранен в левую руку, передал ружье, из которого бил без промаха.

Это была первая реликвия храбрости. А сын? Что он вручил своему наследнику? Шкуру змеи, добытой на реке Паране, и рог быка, которого он уложил, спасая невесту от верной смерти.

В третьем поколении Жоантини, наш современник, добыл шкуру ягуара.

И вот после события, всколых-

нувшего весь мир 12 апреля, ягуар Жоантини совершил еще один — символический — прыжок: шкура послана первому космонавту Юрию Алексеевичу Гагарину. Желтая шкура, светлеющая к краям, покрытая курами черных пятен, прибыла в Москву.

Следующая история — из Финляндии. И связана она с именем шведа Эрика Ворштедта, который специально приехал, чтобы увидеть космонавта. На одной из встреч в Кемпи собралось столько народа, что пробиться к космонавту было совсем невозможно. Властям пришлось ограничить доступ и пускать только тех, кто шел с подарками. И вот Ворштедт, которому очень хотелось почувствовать пожатие мужественной руки Гагарина, решил на следующую уловку: он пошарил в карманах, чтобы найти хоть что-нибудь в качестве подарка. В кармане оказалась лишь табакерка. Конечно, коробочка с нюхательным табаком — это не подарок, но раздумывать долго не пришлось. Эрик положил на ладонь табакерку и торжественно понес ее. Хитрость удалась, и вот он, безмерно счастливый, пожимает руку Юрию Алексеевичу. Табакерка, конечно, удивила всех. И мы, наверное, никогда не узнали бы о том, что за нею кроется, если бы об этом не написал Юрию Алексеевичу сам Ворштедт.

Как магнитные стрелки...

Очень хорошо сказал ханойский студент Нгуен Хну Чи: «Миллионы горящих глаз во всем мире, включая капиталистические страны, направлены на Советский Союз, как многочисленные стрелки к магнитному полюсу».

Апарна Банерджи из Калькутты называет полеты советских космонавтов «золотым путем», о котором давно мечтало человечество. Она пишет: «Спасибо земле, на которой вырос такой сын, как вы, спасибо родителям, давшим жизнь такому сыну, как вы. Но прежде всего я хотела бы сказать спасибо отеческой заботе, которая дала возможность вам совершить этот полет. Это забота, которую проявило правительство вашей страны и его руководители».

Еще письмо из Индии: «Как друг вашей семьи, я предлагаю назвать одну из ваших дочерей Виджейя — в честь богини, надеющейся мужеством. Пусть это имя станет символом вашего подвига, подобного которому не было в истории человечества».

Эти письма, как и большинство других, прибыли к нам обычными почтовыми путями. Но есть и такие послания, которые проделали кружной путь, которые опасались глаз и рук тайной полиции. Долго и труден был путь некоторых весточек из Испании, Ирана, Турции, Южного Вьетнама, Южной Кореи. Вьетнамский патриот начертал свое приветствие в южновьетнамской тюрьме, но смог отправить его лишь после того, как совершил побег и сумел проникнуть в свободную часть страны — Демократическую Республику Вьетнам. Открытка с видом города Таррагоны послана из Испании. Но не прямо в Советский Союз, а в Англию — там, в Кенте, у испанца есть друг, который и переправил приветствие испанца в Москву. На оборо-

те открытки очень короткий текст: «Сердечно поздравляю вас с успехом! Будьте добры, напишите мне несколько слов. Сохраню их навеки! Напишите, пожалуйста, не прямо мне, а моему английскому другу».

«Мне очень, очень хочется вас увидеть!», — такое послание, адресованное Гагарину и Титову, едва ли не в каждом письме.

«Никогда я не мечтал ни о чем другом так сильно, как о встрече с советским космонавтом!» — восклицает один канадец. Зная, что космонавты приглашены во многие государства и, следовательно, могут посетить и их страну, люди сообщают свои точные адреса, пишут, где и как их найти. А Мопольдо Инкапье из города Медельин в Колумбии указал даже свой телефон: а вдруг космонавт позвонит ему!

Мисс Джейн Вуд из Норфолка, узнав о том, что Гагарин прибывает в Англию, не раздумывала. «Скорей в Лондон!» Она проехала 120 миль, чтобы увидеть первого космонавта, а увидев его, отправила в Москву трогательное письмо: «От всего сердца благодарю за то, что вы посетили Лондон. Я очень горжусь, что увидела вас, и тем, что первый полет человека был совершен во время моей жизни. Мне 17 лет, моим самым большим желанием является увидеть мир на земле, и я уверена, что ваш визит в Англию усилит связи между нашими странами».

Когда стало известно, что Юрий Гагарин летит на Кубу, в Соединенных Штатах Америки многие надеялись увидеть и у себя первого в мире космонавта. Однако Вашингтон молчал, и тогда американец Аурел Берард (и не один он!) решил отправиться на Кубу, чтобы увидеть советского героя. «Но мне», — пишет Берард, — отказали в визе заправили государственного департамента». И дальше: «Я верю в Советский Союз и ожидал таких достижений от Советского Союза. И все же я был поражен!»

Одними из первых поздравили Гагарина семь американцев, среди которых были Шепард и Гриссом, два летчика, которым предстояло подняться в космос.

А вот слово рабочих: «Мой дорогой майор Гагарин! Мы называем вас «Колумб космических путешествий». Я считаю, что у вас лучший руководитель — уважаемый Никита Хрущев. Я восхищаюсь вашей системой. Вы и Никита хорошие люди. Ваш друг и поклонник Уоррен О'Нейл. Массачусетс». «Только слепой может не видеть изумительных успехов Советского Союза в самых различных областях. Мы глубоко верим тому, что, несмотря на ваше превосходство и в освоении космоса и в ракетах дальнего действия, вы никогда не нападете первыми, хотя многие наши адмиралы и генералы утверждают обратное. Искренне ваш, фабричный рабочий Пауль Рамос».

Слово матери: «Мои дети и я хотим, чтобы вы и ваш народ знали, что мы гордимся вашей страной и замечательным достижением майора Юрия Гагарина. Это великий подвиг, и каждый должен гордиться вашей страной. Всех наших детей учат в школах ненавидеть русских. Я думаю, что это неправильно. Я прививаю своим детям уважение

к вашей стране. Нам хотелось бы узнать больше о вашем народе и стране, узнать другое, нежели то, что мы читаем в наших газетах и в детских учебниках. Говорят, что в вашей стране не верят ни в бога, ни в библию. Я лично не могу себе представить, как вы могли добиться таких огромных достижений без веры в бога. Мередит Деппер». Слово католика: «Поздравляю с выдающимся полетом в космос. Я считаю, что Гагарин был ближе к богу, чем кто-либо из живущих на Земле. Др. Отто Рике, Джефферсон».

Строки из писем: «Ах, как бы я хотел в этот момент знать русский язык!», «Эпический полет!», «Если я получу ваш автограф, я не продам его ни за какие деньги!», «Я горд, что живу в одном мире с таким человеком, как вы», «Хорошая работа, хорошо сделано!», «Вива Гага!», «Слава вам, великолепный король галактики!», «Товарищи! Вы — наша надежда. Ведите же мир вперед!»

Конечно, не все в США искренне восторгаются. Есть и такие, которые испытывают чувство зависти. Об этом пишет Б. Филлипс: «Не знаю, знакомо ли вам выражение *«sour grapes»* («зелен виноград»), но именно этим словом можно передать состояние тех, кто завидует вам не по-хорошему. Но я не принадлежу к ним. Хочу пожелать вам и в будущем такого же большого успеха!» Наконец еще один оттенок настроения: «Уважаемый сэр! Между моей и вашей страной идет ожесточенная борьба; ненависть, затаенная вражда и горечь прокрадываются на наши земли. Ваша идеология, ваша система, ваш образ жизни ненавистны мне. Но этот день стоит выше национальной

принадлежности и системы. В моем сердце нет вражды или горечи, когда я искренне присоединяю мои поздравления к поздравлениям всего мира. Вы завоевали себе место в истории мира, и ваше имя будет жить в веках — в Америке так же, как и в России или Перу, или Дании, или на Малайе. Западная Вирджиния, летчик первого класса (подпись)».

И все же главное в письмах американцев то, о чем написала миссис Дж. Диб из Такомы: «Дорогой друг Юрий Гагарин! Я американка, но я называю вас другом, потому что чувствую, что американцы и русские должны быть друзьями».

Баллада о хлебной ниве

Разные люди из разных стран пишут о хлебопашцах, о хлебной ниве. Нет, не случайно попали такие письма в почту космонавтов! Почему же для многих людей космические ракеты ассоциируются не только со звездами, но и с пшеницей, рожью? Об этом рассказали лучше других пожилая француженка и молодой итальянец. Читаем в письме из Парижа: «Я слышала, что ваш космонавт приземлился на пшеничном поле. Не правда ли, символично — ракета и хлеб! И совсем не то ощущаешь, когда ракета падает в океан и ее вылавливают военные корабли и вертолеты».

Итальянец же сказал так: «Когда вы заявляете, что осваиваете космос в мирных целях, для науки, для всего человечества, мы верим вашим словам. Верим с чувством удовлетворения и умиротворения — таким же, какое испытываешь, видя людей са-

мых мирных на земле профессий, например, хлебопашцев».

Венесуэльский крестьянин работал в поле, когда к нему прибежала дочь и сказала: «Русский полетел в космос. Это не страшно?» Отец улыбнулся и ответил: «Ему не страшно. И нам с тобой не страшно. Русские не могут угрожать моему полю, они хорошие люди».

Сразу три человека — араб, китаец и русский — поделились одинаковыми мыслями: можно любое дело повернуть и на пользу людям и во вред. Все зависит от человека. Один человек «смотрит на мир глазами империалистической совы», у другого «взгляд радостен, как радуга».

Радуга приносит радость и счастье. Но пусть об этом скажет советский человек Алексей Чистяков из поселка Правдинск, Горьковской области: «Много мыслей вызвали во мне полеты Гагарина и Титова. Подумал я и о хлебной ниве, когда прочел, что космонавты опустились на колхозное поле». Воин-ветеран вспомнил сражение под деревней Федьково, где эсэсовцы выгнали женщин в рожь и за их спинами пошли в атаку. Но советские воины спасли и женщин и хлебную ниву!

Прошлой, которое и сегодня зовет на борьбу, помогает найти верную дорогу в завтра. Чтобы не повторилось черное время, чтобы ракеты летали к звездам, чтобы колосилась пшеница под яркой лентой радуги!

Не потому ли австралиец написал балладу о хлебной ниве, принявшей в свои объятия первого космонавта, а американец Фрэнк Северино в своих стихах говорит: «Когда Хрущев покидал Америку, он улыбнулся всем людям и посмотрел на небо. Он знал, что скоро весь мир будет аплодиро-

вать его стране. И русские показали, что их возможности безграничны. Вспоминая улыбку Хрущева, люди говорят: «Нам нечего бояться, если русские достигнут Луну». А когда этот день придет и человек там выйдет из ракеты, Луна спросит: «Как вы, русские, смогли так быстро прилететь сюда?»

Пшеница и космический корабль!

В миллионах сердец сохранится навсегда эта символическая картина.

Сколько их, писем, телеграмм, стихов? Сто пятьдесят тысяч? Двести? Наверное, больше! Им нет и не будет конца. После каждой поездки Гагарина и Титова в зарубежные страны гуще становится поток писем. А ведь впереди новые полеты в космос, еще более ошеломляющие! В почте последних дней нам уже попало несколько приветствий... космонавту № 3. «Хочу первой поздравить следующего героя-космонавта», — пишет девушка из Астрахани.

В начале нашего репортажа мы сравнивали неиссякаемый поток писем космонавтам с океанским прибоем. Но нет, это не прибой, это светлая буря, идущая сквозь сердца и души миллионов. Говорят, что до сих пор было 230 названий особенно сильных и постоянных ветров, ураганов и бурь, пронесшихся по нашей планете. И мы узнали еще одну бурю, родившуюся солнечным утром 12 апреля. Она охватила все человечество, она радует всех, она продолжается.

Бухарест встречает Г. С. Титова.

Начало

Сила поэзии не в формальных выкрутасах, а в правде, во взволнованном отклике на события современности, в образности, в пристальном видении земной красоты, в краткости, полной значительного подтекста, в простоте, которая доступна даже неискушенному читателю.

Такими качествами, на мой взгляд, обладают лучшие стихи молодой поэтессы Любови Вагановой. Она любит русскую природу, человека, возделывающего колхозное поле. Она пылко всматривается в лица и души окружающих людей. В ее стихах шелестят березы и шумят хлеба, сияет солнце, а ночная даль степи мерцает россыпями огней. Обо всем виденном и пережитом Любовь Ваганова повествует взволнованно, проникновенно.

Я желаю ей доброго творческого пути, большого и трудного. Я советую ей беречь и развивать свои способности. Я желаю ей упорства и неутомимости в учебе.

Сергей СМЕРНОВ

Любовь ВАГАНОВА

РОДНОЕ

Больше года меня здесь
не было.
А июнь. А травища прет.
И таким полыхает небом
неожиданный поворот.
Пахнет ветер теплыми кедрами.
Над поселками тишина.
Разбегается километрами
притаенная сторона.
Над угорами запоздало
солнце маревое встает...
Паровозик считает шпалы
и, подрагивая, поет.

НОЧЬ

Плывет, качаясь, месяц
желторогий.
Ночь по безлюдным улицам идет,
шутя толкнет березу-недотрогу,
скрипучую калитку распахнет,
перешагнет уснувшую речонку,
уйдет за город, в тишину полей
и вдруг достигнет парня
и девчонку,
и те смущенно улыбнутся ей...
И, отправляясь дальше
в путь-дорогу,
она сама светлеет понемногу.

ВДОВЫ

На селе ночами стонут совы,
да под шелест зыбких
тростников
до сих пор оплакивают вдовы
на войне убитых мужиков.
И бойцы приходят из бывшего
те же, что семнадцать лет
назад,
шепчут бабам ласковое слово
и до свету курят самосад.
Загорланит кочет на заборе.
Женщины опомнятся от грез
и на дно души упрячут горе.
Нет войны...
А глаз сухое море,
наволочки, мокрые от слез.

ЛЕД

Осенью начался
птичий перелет.
А потом на реках
появился лед.
Звонкий лед, блестящий,
чистый, как слюда,
как вода, прозрачный,
только не вода.
Исполинской глыбой
омертвел прибой.
Примерзают рыбы
чешуей рябой.
Слышен на просторах
северных озер
камышинный шорох,
тайный разговор:
— Толстый лед,
нарядный,
твердый, как слюда,
как вода, прохладный,
только не вода.
Хоть бы постыдился
будущей весны,
ты же сам родился
из живой волны.

ТУРИНСК

За верстой окрест верста —
все таежные места:
ельники, пихтовики,
кедрачи да сосняки,
мелколесье вперебор.
Глухомань. Уральский бор...
Внятно снежная пустыня
песни севера поет.
Вечереет. Воздух стынет.
Сипло загудел завод.
Скоро —
город.
Впереди сверкнули зорко,
залучились огоньки.
То на горку,
то под горку...
Переулки. Тупики.
Ветру негде размахнуться,
задурил. И снегом — хлесь!
Вот ему б в тайгу рвануться,
да прижился, видно, здесь.

Римма
ЛИХАЧ

Приглядитесь, в потоке бегущих по Москве автомашин вы непременно увидите доверху набитые мебелью грузовики. Едут новоселы! Вы смотрите на них и, чего скрывать, завидуете. Но вот наступает долгожданный день, и у вас в руках ордер на отдельную квартиру.

И вы сидите в кабине рядом с шофером, а друзья и родственники, обняв узлы и подпирая шкаф, — в кузове. Вы, конечно, волнуетесь, а прохожие провожают взглядом вашу машину и улыбаются: едут новоселы!

Около нового дома — муравейник. Люди суетятся, таскают вещи, смеются, кричат, спорят: «Так пройдет!» «Нет, придется развернуться!» Хозяев определить трудно, но хозяйки! Их узнаешь сразу: «Тихонько, там посуда!», «Ой, не ломайте!», «Не поцарапайте!»

Но вот вещи в квартире. Жена уже давно придумала, как их расставить. Но, оказывается, муж тоже времени не терял и мысленно расположил столы и шкафы совсем иначе, а родственники и друзья прикинули по-своему и считают, что оба неправы. Мебель начинает путешествовать по квартире, проверяются и тут же отвергаются планы каждого из присутствующих. Все кипятятся и спорят, но никто не устает — энтузиазма хоть отбавляй!

Портрет сына хочется повесить вот сюда, и немедленно. А молоток... Где молоток? Вы идете к соседям. Может быть, вам не так уж нужен молоток, просто хочется выйти на лестницу, где ходят вверх и вниз ваши товарищи по счастью. Двери всех квартир открыты. Везде устраиваются. Под потолком священнодействует паренек — прилаживает люстру. Застыл в позе мыслителя другой новосел: куда поставить пианино?

А этой хозяйке все ясно: вещи найдут свои места. И сидит она среди тюков, с гитарой, сияющая: на душе так хорошо.

Выше этажом тоже стук, шум, возбужденные голоса. И вдруг таковой ласковый, умиротворенный голос: «С гуся вода — с нас худоба» — Юрочка принимает душ!

Квартиры все одинаковые. Но в одной сердце ваше замирает: какие обои! Мчитесь к себе: «Надо менять обои, там так красиво!» Но оглядываетесь: большие окна, масса света, все новое, блестит. И умиротворяетесь: ваша квартира лучшая. А какой вид с балкона!

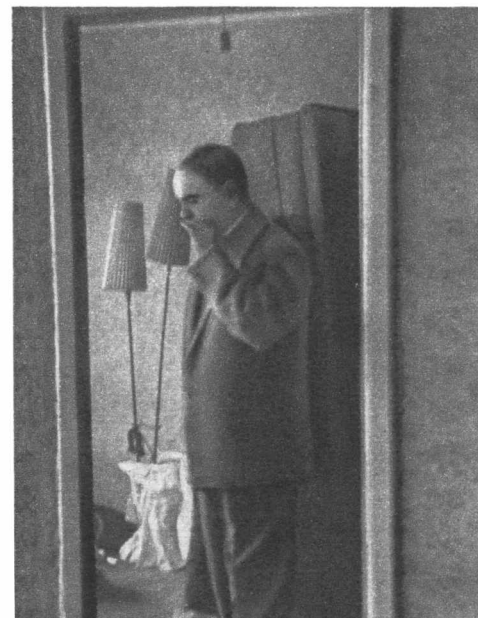
Потом заходит сосед. Он уже старожил: переехал вчера. Сосед все знает: здесь будет скоро метро, летом тут чудесное купание, и вообще это лучший новый район Москвы.

Во всей суматохе только тетя спокойна. Она новосел со стажем: перевозила уж не одного родственника. На кухне у нее шипит сковородка. Из кастрюли валит пар. Стол накрыт. Из той самой сумки, что везли бережно в руках, достаются рюмки и бутылки.

Мебель наконец расставлена, тюки сдвинуты в сторону, и вы садитесь с друзьями за свой первый обед в новой квартире.

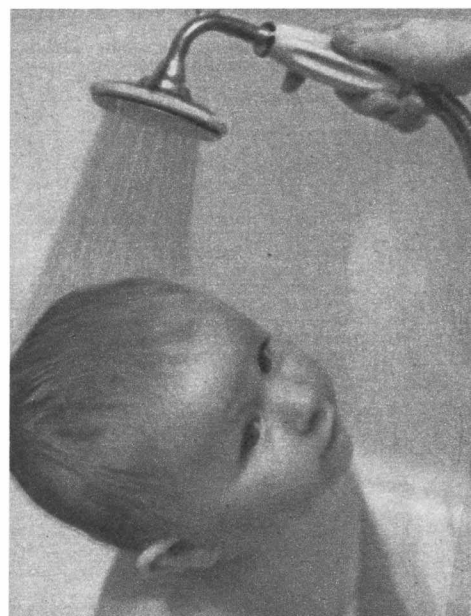
Какой это хороший тост: «С новосельем, друзья!»

С Н О

В О С Е Л Ь Е М !

РАЗЪЕЗД ИМЕНИ ГЕРОЯ

В 27 километрах от Омска на запад есть разъезд Петрушенно. На первый взгляд он ничем не отличается от других. Несколько приземистых служебных зданий, окруженных жилыми домами. Побеленные будки, клумбы с цветами, выложенные осколками кирпича слова: «Миру — мир!».

В скромном зале вокзала висит большой, выполненный маслом портрет. На вас смотрит мужчина лет тридцати, с открытым и честным лицом. Темный, военного покроя китель, чуть сдвинутая набок солдатская фуражка. Это Иван Васильевич Петрушенно, по фамилии которого назван разъезд.

Вот что рассказывают старые железнодорожники.

Это было в ноябре 1919 года. Отряд колчаковских солдат появился на маленьком безымянном разъезде. Колчаковцы вели раненого красногвардейца. Это был Петрушенно.

Люди шепотом передавали друг другу, что парень вез какое-то срочное донесение советскому командованию, что он молчит, как рыба, что у него уже переломаны ребра и вывихнута рука.

Рано утром, когда орудийные раскаты приблизились, колчаковцы расстреляли героя.

Прошли годы, но люди не забыли Ивана Васильевича.

С. ДВОРЖЕЦ, В. ШАКУРОВА

Омск.

ЧИТАТЕЛИ ПОДДЕРЖИВАЮТ

Горячо откликнулись читатели на фельетоны «Однофамилец с претензиями» и «Уха с крючками». Публикуя некоторые из откликов, редакция ждет ответа от организаций, которые имеют отношение к делу Спиридонова и к браконьерам-клеветникам.

В журнале «Огонек» № 46 я прочитала фельетон «Однофамилец с претензиями». Хотя я сама мать и мне 66 лет, но тем не менее я против решения суда — удовлетворить иск Спиридонова. Судья находит его очень жалким, а по-моему, он не жалок, а гадок!

Почему его дети, выращенные и воспитанные одинокой матерью, должны взять на себя заботу о нем? Ведь он для них совершенно чужой человек. Он не имеет права называться отцом. Мне непонятно решение судьи Медведевой и очень обидно, что существуют коденсы и люди, которые защищают подобных типов — родителей, не помнящих даже имен своих детей.

А. КАРАСЕВА

Москва.

Это несправедливо — взыскивать алименты в пользу Спиридонова. Его всю жизнь искали судебные органы, а теперь он вдруг сам появился. Помогите, мол, разыскать мне тех, кто меня всю жизнь искал! И ему помогают. Где же логика? Если здесь просто гуманность, то заслуживает ли ее Спиридонов? Нет! Он разрушил детство, а теперь разрушает жизнь...

Л. МАТВИЕНКО,
учительница

Ново-Украинка,
Кировоградской области.

С возмущением прочитал я фельетон «Уха с крючками» («Огонек» № 47). Недопустимо, чтобы в рядах Коммунистической партии могли находиться люди, способные на лживый донос, подобную клевету.

Я, старый ветеран, участник гражданской войны и Великой Отечественной войны, всей душой присоединяюсь к мнению «Огонька» о том, что «браконьерская уха», описанная в фельетоне, еще далеко «не расхлебана» и что самое веское слово еще не сказано партийными органами.

А. ВОИНОВ

Москва.

Среди злостных клеветников и браконьеров есть и офицеры запаса подполковники Зотов и Халявин.

Я считаю, что эти люди позорят высокое звание советского офицера и заслуживают строгого наказания. Необходимо, чтобы Министерство обороны СССР сделало в отношении их самые суровые выводы, чтобы навсегда отбить охоту нарушать советские законы.

М. ПЕРШИН,
полковник в отставке

Пенза.

СОЛОВЬИ

Рассказ

Вл. ЛИДИН

Дочь вышла встречать мать на станцию и села на скамейку, но не снаружи на перроне, где было много света, а под крышей открытого здания платформы, в самом углу. Здесь никого не было, и она сидела совсем одна, по-школьнически сложив руки на коленях; школьническая поза как бы помогала порядку и чистоте размышлений, как это бывало в пору, когда она, Варя, только готовилась к жизни. Было еще совсем непонятно, что случилось с ней, но что-то случилось, и она словно боялась растерять из того цельного и пока необъяснимого, что случилось с ней.

Мать не приехала с поездом в шесть пятьдесят, как обычно, и дочь сидела и ждала ее; в этом тоже были цельность и чистота, что она ждет мать, и не томится, и не поглядывает на часы, и она была даже рада, что сидит совсем одна и ждет, одна со своими смешанными мыслями.

Мать приехала с поездом в семь тридцать пять, и Варя еще издали увидела, как мать вышла из вагона и пошла по платформе утомленным шагом, со знакомым набитым портфелем в одной руке и с сумкой, тоже набитой, в другой руке. Варя легко, радуясь своей легкости, побежала ей навстречу и взяла из ее рук сумку. Она не спросила мать, почему та запоздала, и, почти не чувствуя тяжести, несла сумку.

— Пришлось дожидаться кардиограммы одного больного, — сказала мать, сама поясняя, почему она запоздала. — Завтра воскресенье, и я боялась оставить это на понедельник... к счастью, кардиограмма оказалась приличная.

Мать была невысокая, полная, но даже теперь, когда она отяжелела и носила очки, можно было видеть, что она была красивой в молодости, и дочь походила на нее, тревожно и хрупко, как это бывает в юные годы.

— А я и не заметила, как прошло время, — сказала Варя, — как-то задумалась и не заметила.

Мать искоса поглядела на нее. Дочь легко несла сумку, словно вся устремленная к чему-то, и у матери стало вдруг так смутно и грустно на душе, что она на миг даже закрыла глаза. Они шли рядом, мать и дочь, мать — старый врач-кардиолог Мария Федоровна Шубина, и дочь — вчера еще школьница, а теперь уже студентка, и так странно, что на столе у Вари лежат на смену старым учебникам толстые книги, вроде «Этимологического словаря русского языка» или «Русского литературного произношения», и Варя станет филологом. Но сейчас вокруг была золотая осень, весь день был золотым, и даже к вечеру были еще остатки золота — в теплом небе и ослепительно белой извилистой кайме по нижнему

краю облаков на западе, куда уже ушло, но еще посылало последний блеск солнце.

— Ты когда вернулась сегодня? — спросила мать.

— Рано, в двенадцать я была уже дома. Сегодня два занятия отменили, и я рано освободилась.

Варя говорила бездумно и смотрела куда-то в глубину аллеи вдоль железнодорожного полотна, а внизу далеко уходили рельсы и терялись где-то среди поглубевших к вечеру перелесков.

— Знаешь, осень — просто необыкновенное время, мама... такой красоты никогда не увидишь летом. Ты посмотри только — березы совсем золотые, а клены даже не красные, а просто лиловые.

Мать посмотрела на березы, с которых мелким золотистым дождем сыпалась по временам шелуха созревших семян, и на густо-красные, действительно почти лиловые клены.

— Что же ты целый день делала? — спросила мать.

— Что я делала? Читала, размышляла, ходила по саду, — сказала дочь счастливо, словно вся пропиталась теплом и золотом пролетевшего дня, и Мария Федоровна ничего не спросила больше, и некоторое время они шли молча.

Что-то случилось в жизни дочери — Мария Федоровна понимала это; она знала, что когда внезапная грусть сменяет внезапную радость, когда радуется не только золото осени, но может обрадовать даже осенняя непогода, — что когда так бывает, значит, в душе у человека нечто окрашивает все в свои краски. Неделю назад Мария Федоровна увидела раз, как кто-то проводил дочь со станции до калитки сада и они постояли у калитки, а потом провожавший ушел, а дочь зашла в сад, поднялась на террасу, кинула портфельчик с книгами и тетрадами на стол и сказала: «Устала. Сегодня были четыре лекции подряд», — но она устала так свежо, и была весь вечер такой оживленной, и сама хозяйствовала и наливала чай, что Мария Федоровна, наблюдая за ней, подумала о том недалеком времени, когда самими заповедными мыслями дочь будет делиться уже не с ней, а с другим человеком, и с этим нужно примириться, это ход жизни, и его не изменишь и не переделаешь.

Но дочь ни о чем не говорила, и Марии Федоровне казалось по временам, что все это лишь представляется ей: просто она вместе с дочерью прожила всю жизнь, у Вари давно нет отца, и было время, когда сложно пришлось объяснять десятилетней девочке, почему у нее нет отца, пришлось объяснять так, чтобы та не затаила недоброго чувства к человеку, который оставил их (бог с ним, у него другая жизнь и другая дочь от другой жен-

Рисунок В. ВЫСОЦКОГО.

щины), и единственно, чего Мария Федоровна хотела,— это не встревожить внутренний мир Вари.

И вот пришло время, когда ей, Марии Федоровне, предстоит, может быть, остаться одной, но кто этот человек, даст ли он дочери то большое и нужное, к чему она устремлена сейчас, и как сделать, чтобы это случилось? Это было так тревожно и страшно и вместе с тем так хотелось проникнуть в сердце дочери, узнать, что там, в его глубине, может быть, лишь наваждение юности или там действительно любовь, со всем тем легким и тяжелым, ранящим и целящим, что она одновременно приносит?

Сколько сердец на своем веку выслушала она, врач Мария Федоровна Шубина, боже мой, сколько сердец она выслушала, и сколько подозрительных шумов услышала или перебоев, и сколько кардиограмм, похожих на сейсмическую запись, она прочла: одни были правыми, как равномерное движение набегающих волн, другие походили на запись землетрясения. Она знала все шумы сердца, и все его перебои, и все недостаточности в работе мышцы или клапанов, она безошибочно определяла все это, стоило ей приложить ухо к груди человека; но она ничего не знала, что сейчас в самом близком и самом нужном ей сердце, и здесь не могли помочь ни опыт врача, ни чуткий его слух...

Тонкая паутинка бабьего лета, летящая в воздухе, прилипает к лицу, как вуалетка, и, снимая ее, можно незаметно вытереть глаза, ставшие вдруг влажными от тревоги, любви и нежности к дочери. Но дочь легко идет рядом и легко несет в руке тяжелую сумку с хлебом и овощами, они живут пока вместе, друг для друга, и мать успела в обеденный перерыв купить цветную капусту, которую Варя любит.

— Что же ты читала сегодня? — спросила Мария Федоровна.

— Знаешь, «Анну Каренину», наверно, в пятый раз. Как странно, что Толстой не любил этой книги. Мне кажется, никто так не описал любовь, как именно он, и не просто любовь, а все то прекрасное и ужасное, что с ней связано, — сказала Варя так странно, что мать подавила глубокий вздох испуга.

— Ах, что ты понимаешь в этом! — отозвалась она возможно беспечно. — Слава богу, в твои годы этого еще нельзя понять... это наш удел — понимать, тех, у кого в общем уже прошла жизнь.

— Нет, я понимаю, мама, — сказала дочь с такой сумрачной сдержанностью, словно именно пережила все это.

Они шли минуту молча.

— Вот что, Варюша, — сказала Мария Федоровна тем же нарочито беспечным голосом, — давай условимся: будем и впредь всегда делиться друг с другом, что у кого на душе... Теперь ты уже не школьница, а студентка, и вокруг не только подруги и учителя. Мне было бы так грустно, если бы ты начала скрывать от меня что-либо.

Дочь кивнула головой, но ничего не ответила, и они молча дошли до дачи, на которой доживали последнюю неделю. В даче было холодновато, несмотря на теплый золотой день, и Мария Федоровна пошла умыться, пока дочь накрывала на стол к обеду.

— Хочешь, сварю цветную капусту? — предложила Мария Федоровна, садясь за стол. — Это недолго... ты ведь любишь.

— Лучше завтра, мама, — сказала Варя. — Завтра воскресенье, а утром я, может быть, соберу грибов.

Она говорила очень спокойно, хозяйственно нарезала хлеб, суп был горячий — Варя перед уходом на станцию завернула кастрюльку в теплое одеяло, — и мать и дочь, как обычно, сидели за столом и обедали. Из сада пахло флоксами, и табак еще цвел, хотя пахнул уже слабо, не так, как в летние вечера, но желтые георгины светились за окном, словно их освещало горячее летнее солнце.

— Сегодня наш главный врач Дмитрий Ипполитович спросил у меня, на какой ты поступила факультет... он ведь помнит тебя девочкой. Очень одобрил, что ты станешь филологом, — сказала Мария Федоровна. — Кстати, купи сегодня в нашем книжном киоске две книжки, наверно, пригодятся тебе: «Греческая цивилизация».

— Вот спасибо... я давно эти книжки иска-

ла, — оживилась дочь. — В них просто неоценимые сведения о Гомере и Эсхилле.

— Вообще, — сказала мать осторожно, — студенческие годы нужно целиком посвятить науке... нужно, чтобы ничто не мешало.

Она поднесла ко рту ложку с супом, скрывая этим движением, что испытующе поглядела на дочь. Но Варя, казалось, не услышала и смотрела мимо, она ела суп и смотрела мимо, думая о своем. Холодок осени доходил сквозь открытую форточку, и Мария Федоровна вспомнила вдруг один майский вечер, на этой же даче, в этом же саду... Где-то в роще куковала кукушка. Она куковала тем прохладным голоском, когда ясно представляешь себе стволы берез с их лайковой корой, и родничок, бегущий где-то в глубине, и все то, что связано с надеждами и никогда не утоляемой мечтой о счастье. Окна тогда были открыты настежь, в комнатах стояла свежая прохлада вечера, простыни на постели были чуть сыроваты, и жаль было уходить из сада, полного влажной, нежной и тревожной поры начала мая. Дочери не было, и Мария Федоровна ходила по дорожкам сада и ждала ее. Дочь пришла, когда был уже глубокий вечер, она пришла неясная, чем-то встревоженная или счастливо смятенная, и мать не решилась спросить, где она была; но дочь сказала сама: «Была у ручья... слушала соловья. Можно целую ночь слушать, как он поет и щелкает». Мать хотела было спросить, с кем же она слушала соловья, но не спросила. Только позднее, когда пили чай на террасе, Варя сказала простодушно: «Миша Трофимов говорит, что о соловьях никто лучше Тургенева не написал. Надо обязательно посмотреть, когда буду в городе... у нас ведь есть подписной Тургенев».

Но, вспоминая этот майский вечер, и то, как куковала кукушка, и как она, Мария Федоровна, сжимая руки, страстно сказала ей: «Накукуй счастья моей девочке... накукуй ей счастья», — вспоминая все это, она думала теперь, был ли именно Миша Трофимов тот, кто проводил дочь со станции, и они постояли у калитки и не торопились проститься?

— Дмитрий Ипполитович, правда, немного удивился, что ты решила стать филологом, — сказала она. — Его дочь по следу отца поступила на медицинский. Конечно, если бы ты тоже поступила на медицинский, я сделала бы из тебя хорошего врача... сердце человека я, слава богу, знаю, — но прозвучало как-то жалко, и Мария Федоровна сама почувствовала это.

— Нужны и филологи, — сказала дочь. — Спасибо тебе за «Греческую цивилизацию», я давно искала эти книги.

Они говорили друг с другом совсем не о том, о чем нужно было сказать, и Мария Федоровна не знала, чувствует ли это дочь или скрывает, что чувствует.

— Я погуляю немного, мама, — сказала Варя позднее, когда они вышли в сад. — Может быть, хочешь, пойдем вместе?

— Нет, Варюша, устала... пойдй пройдишь.

Соловьи твои, правда, уже давно улетели, но все-таки осень чудесна, такая чистая пора.

Было свежо, и дочь надела вязаную кофточку.

— Погуляй, Варюша, — повторила мать, проводив ее до калитки. — В поле, наверно, сейчас хорошо, и молодой месяц только что родился.

Месяц стоял тонкий, почти прозрачный, как пленка, словно еще не сбросивший оболочку, в которой родился. Мать прислушалась к удаляющимся легким, сначала медленным, а потом торопливым шагам дочери... Она куда-то торопилась, Варя, кто-то ждал ее, и она торопилась. Ее сердце билось часто, и Марии Федоровне казалось, что она слышит его стук. В кармане своего накинутаго на плечи пальто она нащупала несколько монеток, потрясла их в руке и сказала так же страстно, как сказала когда-то, обращаясь к кукушке, — теперь она обращалась к узенькой дужке месяца, единственному светилу и поверенному сейчас. «Наколдуй счастья моей девочке, — сказала она, — наколдуй ей счастья».

Потом она прошла в сад и села на скамейку. Флоксы пахли еще медвяно, но уже неуверенно, и, несмотря на печаль и тревогу, Мария Федоровна ощутила вдруг прилив такого сердечного умиления и нежности, что все неясное и пугающее отступило перед ними. Пусть там, у ручья, куда, наверно, торопилась дочь, уже давно не поют соловьи... но они все же поют, если хотя бы слышать, и Марии Федоровне казалось теперь, что она и сама слышит, как они поют и щелкают, и остается только поверить им, иначе им не стоит и петь.

Незабываемый октябрь 1961 года

Есть события, которые навсегда остаются в сознании народа. Текут годы, десятилетия, но память людская постоянно возвращается к прошедшему, ибо оно оставило в умах и сердцах след неизгладимый, вечный.

XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза, принявший величественную программу созидания коммунистического общества, вошел в историю не только нашей великой страны, но и всего мира как съезд надежды и мудрости, начертавший генеральный путь к счастью человечества. Могучий маяк возжжен над миром! Свет его является притягательной силой для всех, кто угнетен и слаб, кто унижен и повергнут, кто носит цепи рабства и согбен нуждой. Свет этот манит и зовет:

— Встань! Иди! Следуй за нами! Борись! И ты будешь свободен и счастлив!

По-новому и с новой силой звучат отныне слова «Интернационала» — гимна коммунистов:

Вставай, проклятем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов...

Растут и крепнут силы коммунизма. Уже не призрак бродит по Европе — подняты ввысь знамена коммунистического созидания третьей всего человечества! И впереди, пролагая путь, разгадывая неизведанное, наводя понтоны и строя мосты, идет наш великий Советский Союз, руководимый партией Ленина.

Друзья — миллиард друзей! — радуются нашим успехам и победам, враги впадают в ярость и неистовство.

Мы никому не угрожаем, мы несем мир земле, хлеб голодным, крышу бездомным, покой уставшим. Мы говорим царству капитала: коммунизм сильнее вас своей правдой, справедливостью, честностью, своей философией, в экономическом соревновании мы победим, — это неизбежно, в этом утверждении наша вера!

Стан империалистов, живущий неправдой, насилием, угнетением большинства, не может противопоставить нам ничего, кроме ненависти и клеветы. Ни одной положительной идеи, одно лишь стремление сохранить мощь и карман любыми средствами, любой ценой: потоками крови, усилением гнета, обманом масс.

Коммунизм не нуждается в войнах для своей победы. Коммунистическая партия Советского Союза основой своей внешней политики объявила мирное сосуществование государств с различным общественным строем. Войну могут развязать только империалисты. Они не сделали этого до сих пор только потому, что страх перед силой социалистических стран, перед своими народами удерживает их. Если же случится так, что бог отнимет разум у империалистических заправил, — пусть пеняют на себя, их гибель неизбежна и неотвратима!

Коммунистическая партия Советского Союза устами XXII съезда, принявшего третью Программу, торжественно возгласила:

— Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!

Партия Ленина никогда не бросала слов на ветер. Выполнена пер-

вая Программа — сокрушен царизм, сметен капитализм. Выполнена вторая Программа — социалистический строй победил окончательно и бесповоротно. Будет выполнена и третья Программа, представляющая собой не только сгусток научной марксистско-ленинской мысли, но и ясный, строгий план практических действий — стратегию и тактику коммунизма.

Огромные просторы для свершения великих дел открыты перед нами. Свежие, живительные ветры дуют над полями, лесами, горами и морями нашего Отечества. Ликвидация культа личности и его тяжелых последствий развязала творческие созидательные силы нашего народа. Силы эти будут возрастать с каждым днем, с каждым часом!

— За работу, товарищи!

Этот лозунг, раздавшийся с трибуны XXII съезда, грянул, как голос могучего колокола, пробуждающий и зовущий.

XXII съезд представлял собой цвет нашей великой партии и, естественно, цвет всего нашего многомиллионного и многонационального народа. Здесь в числе делегатов мы видели и старейших большевиков, закаленных в боях на баррикадах, прошедших сквозь огонь двух революций. Здесь мы видели отважных воинов — героев Великой Отечественной войны, снискавших своими подвигами любовь и уважение всего советского народа. Здесь мы видели прославленных ученых, умелых сединов, и вовсе молодых, полных сил. В работе съезда участвовали в качестве делегатов лучшие представители заводов, фабрик, шахт, новостроек, колхозов и совхозов, чей труд вливается в гигантский поток труда Советской страны, чьи руки добывают и создают руду, уголь, металл, хлеб, одежду — все, что нужно для блага человека. Здесь присутствовали многочисленные гости: представители коммунистических и рабочих партий всего мира, представители партий, борющихся за освобождение колониальных и полуколониальных стран. Языки самых разных народов, всех континентов звучали в кулуарах съезда и с его трибуны.

Какая же собралась громадная сила!

Решения XXII съезда КПСС вобрали в себя мудрость партии, силу, страсть и разум всего советского народа. Программа, принятая съездом, воплотила в себе мысли, чаяния, надежду и веру миллионов советских людей.

Вслед за съездом, за Никитой Сергеевичем Хрущевым люди нашей необъятной земли восклицают: «За работу!»

И кипит радостный, благородный труд от края и до края Страны Советов, и возникают города, могучие электростанции, наливаются зерном колхозные поля, поток плодов человеческого труда течет по нашей земле.

— Для человека! Для его блага!

На пороге нового, 1962 года советские люди, трудящиеся всего мира обращают свои взоры к памятным октябрьским дням года Шестидесяти Первого — дням XXII съезда, ибо он дал нам мощную энергию для взлета в Коммунистическое Завтра.

Съезд этот войдет в историю нашей партии как съезд энтузиастов коммунизма, как Незабываемый Двадцать Второй!

Их знает вся страна! Герой Социалистического Труда ткачиха савинской фабрики «Солидарность» Ю. М. Вечерова, ткачиха Минского тонкосуконного комбината Е. С. Лазаренко, шифовальщица Минского шарикоподшипникового завода А. Т. Буря и Герой Социалистического Труда бригадир прядильниц Вышневолоцкого хлопчатобумажного комбината В. И. Гаганова.

В зале заседаний съезда...

Незабываемый
октябрь 1961 года

Выступает Никита Сергеевич ХРУЩЕВ.

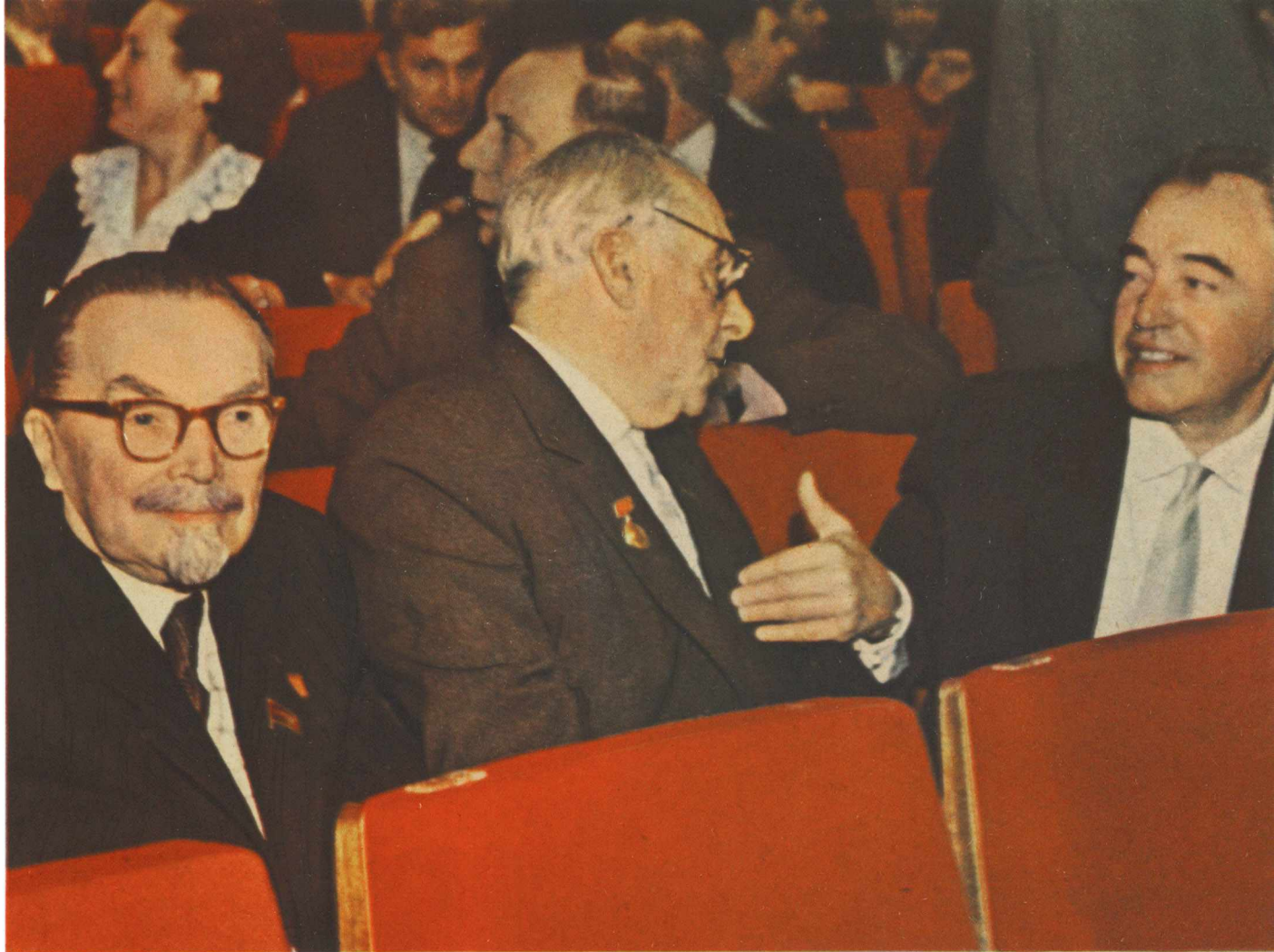

Широко была представлена на съезде лучшими своими людьми советская деревня. Дважды Герой Социалистического Труда украинский кукурузовод Е. А. Долинюк; главный агроном колхоза имени Энгельса, Киргизской ССР, Е. В. Власова; доярка совхоза имени Стрельниковой, Киргизской ССР, В. И. Зиборова; председатель колхоза имени Ленина, Красноярского края, И. С. Овсевич; секретарь парткома Карсинского совхоза, Челябинской области, С. К. Корнилов и дважды Герой Социалистического Труда украинский кукурузовод А. М. Ладани.

*Первый космонавт
Юрий Гагарин.*

Члены украинской делегации: президент Академии наук УССР А. В. Палладин, писатели Максим Рыльский и Александр Корнейчук.

Незабываемый октябрь 1961 года

Со всех концов мира были гости на XXII съезде КПСС. Мари Конате, секретарь женской организации партии Суданский Союз Республики Мали, среди делегатов.

«Вива Куба!» — эти слова горячо прозвучали в зале, когда представители героического кубинского народа вручали Н. С. Хрущеву знамя кубинской революции. Рита Диас, член делегации Объединенных революционных организаций Кубы.

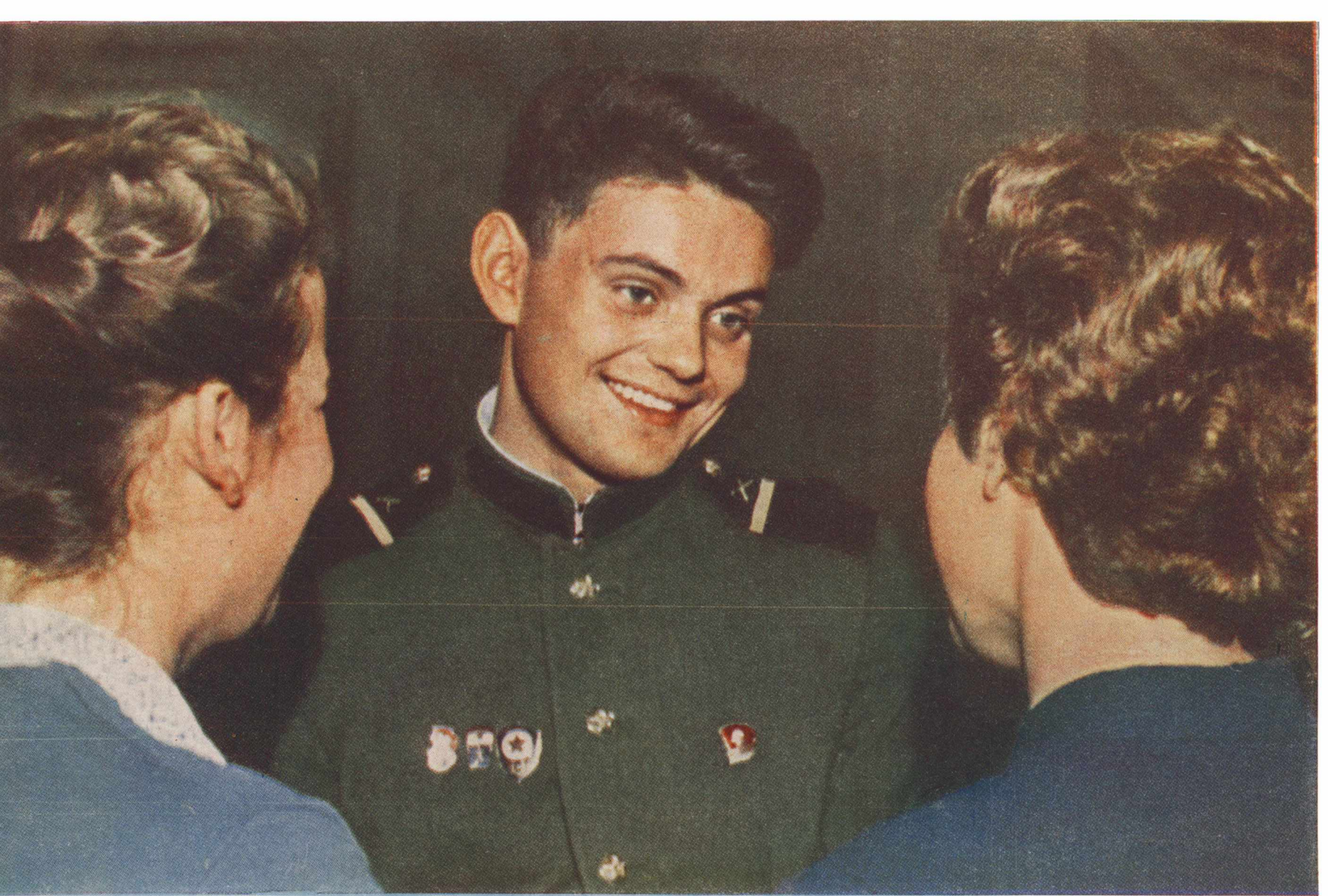
Генеральный секретарь Национального совета Коммунистической партии Индии Аджой Кумар Гхош с делегатами.

...Ее хорошо знал и ценил В. И. Ленин. Она была участницей ряда партийных съездов и теперь в числе делегатов XXII съезда принимала III Программу партии — Коммунистический манифест нашей эпохи. Елена Дмитриевна Стасова беседует с председателем ЦК Коммунистической партии Японии Сандзо Носака.

Незабываемый
октябрь 1961 года

Самый молодой делегат съезда ефрейтор Игорь Студенников.

Незабываемый октябрь 1961 года

Встретились на съезде славные герои Великой Отечественной войны: дважды Герой Советского Союза С. А. Ковпак, Герой Советского Союза и Герой Социалистического Труда К. П. Орловский, Герой Советского Союза В. И. Козлов и дважды Герой Советского Союза А. Ф. Федоров.

Фото Я. РЮМКИНА и Д.М. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Мой друг Бенуа

Пьер ГАМАРРА

Ночь. Через открытое окно тянутся ко мне теплые руки осеннего ветра. Он приносит мне запахи Сены. Шепот листьев, склонившейся над домом. Сиплый гудок баржи разбивает тишину ночи. Все спит вокруг. А Бенуа, спит ли он? Может ли он спать?

Не знаю, может быть, и он, как я, поднялся, подошел к окну, чтобы склониться над невидимой за домами рабочих Сеной, чтобы поглядеть на пурпурный ореол Парижа в туманной дали.

Улица пустынна. Очень поздно. Прошла последняя машина. Скромные домики пригорода кажутся присевшими во мраке. Кроме уличных фонарей, ни огонька.

Я шепчу про себя: «Бенуа, друг мой, надо спать. Постарайся уснуть, товарищ...»

Ветер сметает мои бумаги. Кричит в темноте баржа. Ветер уносит крик. Тишина.

Впервые я увидел Бенуа несколько лет назад воскресным утром. Я тогда только что здесь поселился. Он спокойно шагнул по пыльному тротуару. Дело было, вероятно, в июне, летом, во всяком случае. Он поздоровался со мной. Я вежливо ответил, и он предложил мне «Юма-диманш». Я пригласил его зайти. Присев у края стола, мы выпили по стаканчику муската. Он торопился, толстый мешок с газетами висел у него на животе, похожий на сумку кенгуру. Я сразу обратил внимание на его руки. Крупные, тяжелые, с порезами и мозолями. Рабочий. В нашем квартале «Юма» продают и другие — служащие, домашние хозяйки.

Сейчас ему лет сорок, но выглядит он моложе. Довольно плотный, темноволосый, не очень высокий. Черные глаза. Одна из его бабок была итальянка. В этой части пригорода, к западу и северо-западу от Парижа, селилось немало итальянских эмигрантов.

Говорит он нараспев. Спокоен и в то же время внимателен. Женат. Живет с родителями жены в домике недалеко от реки. Взрослый сын.

Бенуа родился в этом квартале. В сороковом на эльзасском фронте получил пулю в правое бедро. Чуть прихрамывает. Если не знаешь, не заметишь. Потом вернулся домой, участвовал в Сопротивлении.

Я узнал все это не сразу. Бенуа не очень-то любит говорить о своей жизни. И, главное, не просит его выступать перед публикой. «Я от этого бледнею», — сказал мне он, — меня в пот бросает. И все же с людьми нужно беседовать — в цехе, на улице или в поезде, в

домах. Тогда я вижу, как мой Бенуа хмурит брови, глубоко вздыхает и бросается в разговор, как люди бросаются в воду.

Он выпивает глоток муската. Да, с людьми необходимо беседовать. Люди хотят многое знать, они спрашивают. Помните Освобождение и все проблемы, с ним связанные? А потом: война в Индокитае, перевооружение Германии, теперь война в Алжире...

В то утро он познакомил меня с нашим кварталом. Обычный квартал. Домики и садики. Люди уезжают на рассвете, возвращаются вечером. Они прибывают в Париж на вокзал Сен-Лазар. Служащие страховых обществ, железнодорожники, металлисты, рабочие химической промышленности, машинистки и продавщицы. По утрам, начиная с пяти часов, я слышу, как они проходят под моими окнами. Топ, топ, топ... тоненькие туфельки и башмаки бегут к вокзалу. Топ, топ, топ... Когда вы будете глядеть на витрины магазинов площади Оперы и улицы Мира, вспомните об утренних часах пригорода.

Бенуа уезжает очень рано. Проглатывает свой кофе, бросает взгляд на спящего сына, целует жену и мчится к первому поезду. Три года тому назад ему удалось найти довольно хорошее место в небольшой мастерской, где выделывают горны, печки, железные трубы. Жена думает: хоть бы удержался там подольше. В предыдущие годы его часто увольняли за профсоюзные дела, забастовки. «Хороший рабочий, но голова дурная», — говорили хозяева. У них всегда найдется предлог, чтобы дать ему отдохнуть.

В этом пригороде он работал всюду понемногу. На литейном заводе, на каучуковом. Тошнотворный запах расплавленной резины. Свет в цехе затуманен клубами талька. Песчаные формы литейной. Невыносимая жара, раскаленная пыль. Сейчас на этой работе занято много алжирцев.

Однажды вечером перед муниципальными выборами он расклеил афиши: «В среду, в 21 час, в крытом дворе школы Жюлья Ферри состоится собрание, организованное партийной ячейкой имени Поля Элюара. Сердечно приглашаем прийти всех жителей квартала».

Он зашел ко мне. Было прохладно. Я угостил его грогом. Так и вижу его: дует на свой грог и рассказывает мне о сыне, о том, как тот учится. С французским делом обстоят неважно. Бенуа хотел, чтобы я дал ему совет. Я сказал: «Пришли мальчика ко мне. Мы с ним поговорим. И пусть он захватит свои книги и тетради».

Уходит время. Уходят и вновь возвращаются времена года. Зимний ветер свищет над серой Сеной. Весна разбрасывает по изгородям и решеткам садов цветы сирени и жимолости. Осень — золотую кровь дикого винограда. И каждое утро, каждый вечер вдоль тротуаров пригорода — шаги тружеников. Топ, топ, топ... Не замечаешь, как скользит время. Тысячи и тысячи дел, одно приходит на смену другому, ускоряя ход дней. «Говорить с людьми. Распространять газеты. Сегодня вечером профсоюзное собрание, вернуться поздно. Расклеить афиши. Раздать листовки. Организовать собрание. Предупредить одного. Отнести письмо другому. Нужно, чтобы идеи проделали свой путь, завладели бесчисленными умами. Мир, свобода, хлеб, школа. Социализм. Мы не будем воевать против страны социализма».

Уходят и вновь возвращаются времена года. Сена надевает летний убор. Сены уже не видно за домами. Вырос новый город. А когда-то Молассан и Золя приезжали сюда покатаются на лодке. Это была сельская местность с лугами и виноградниками, деревенскими кабачками; с реки, из-за кустов, слышался смех гребцов...

Как-то вечером — в другой раз — Бенуа зашел ко мне. Он обходил дома, собирая подписи под петицией в защиту светской школы. «Не позволяйте трогать светскую школу, товарищи. Это школа Республики, это школа, раскрывающая двери перед каждым маленьким французом».

Бенуа хотел поговорить со мной. Он вошел. Усталый. Я видел, что он хромает сильнее, чем обычно. Бледный. Минутами плечи его опускались, точно на них внезапно обрушивалась усталость многих месяцев, долгих лет.

Я глядел на него. Я пытался увидеть сквозь его лицо этого вечера все его лица, ушедшие в прошлое. Ребенка, который смеялся, юноши, который мечтал о суженой. И солдата сороковых годов. И солдата следующих годов, когда он уже не носил военного мундира. Того, что пробирался по безмолвным улицам после комендантского часа с боеприпасами или письмами. А потом взлетел на воздух гараж, который служил складом оккупантам: это сделал Бенуа... Война.

И снова мир. Идут годы. Начинают серебриться виски.

В этот вечер он говорил со мной о сыне. Не о занятиях. О другом. Сын уже не был школьником. Его отправляли в Алжир. Он стал солдатом.

Я помню лицо Бенуа. Бледное,

жесткое от ненависти к войне. Снова она встала перед ним. Всю свою жизнь он боролся против этого старого врага... Поговорить с людьми, подготовить собрание. Расклеить афиши. Раздать листовки. Рука Бенуа, освещенная светом лампы. Он пишет статью для местной газетки: это просто листок, напечатанный на гектографе. Битва за наши требования. Мир и хлеб. Поговорить с людьми, пойти, сбегать. Ложишься поздно. Встаешь в пять часов, глотаешь свой черный кофе и спешишь по пустынным улицам к красным и лиловым звездам вокзала. Пригородный поезд ранним утром. Запах влажного сукна, кофе и рисовой пудры. Вдалеке заводские сирены...

В начале прошлой недели Бенуа постучал в мою дверь. Был час осенних сумерек. Казалось, на крыльях ветра танцует прохлада, принесенная из ближних лесов. В садах вокруг моего дома скромные сокровища цветов и порыжелых листьев. Алые шевелюры георгинов. Несколько последних роз. Пряно пахнущие индийские гвоздики.

Я открыл дверь и увидел на пороге Бенуа. Свет касался серебряных нитей на его висках. Я увидел тяжелые его руки, почерневшие, заскорузлые.

В карманах Бенуа были газеты, листовки. Но он постучал в мою дверь не для того, чтобы пригласить на собрание. Он пришел сказать, что получил то самое письмо.

Письмо о его сыне. Официальное письмо.

Письмо, которое сообщало, что его сын пропал. Пропал без вести. Такова официальная терминология. Это значит, что, может быть, он не убит. Может быть, он в плену. Неизвестно. Пропал. Неизвестно, что с ним стало. Его взяла война. Пропал. Надо ждать.

Я гляжу, как Бенуа удаляется тяжелым медленным шагом вдоль линии домов и садов. Музыка из радиоприемников. Голос диктора. Нежная теплота осеннего ветра. Бенуа думает о сыне. «Где он, этот мальчик, я спрашиваю вас? Когда я свяжусь вновь с моим ребенком?»

Бенуа шагает. В такт покачиваются руки. Он идет из дома в дом, чтобы кричать против войны. Он думает о своем сыне. Он думает и о других сыновьях. Покачиваются руки. Загрубелые, потемневшие руки, покарженные работой. Большие мозолистые руки. Целая жизнь в этих руках.

Я гляжу во мрак. В той стороне, где Париж, над спящими пригородами в небе пурпурный свет, точное зарю.

ПРОРЫВ

А. ЧЕРНЯХОВСКИЙ

О сенью 1932 года случилось то, что на всю жизнь оставило в сознании врача Татьяны Ивановны Царевой неизгладимый след. Зазвонил телефон, голос — глухой и далекий — звучал невнятно, трудно было сразу связать воедино выкрикиваемые слова. Потом она поняла: с завода привезли ее брата Николая, с ним худо, очень худо, он без сознания...

В квартире Царевых собрали консилиум. Диагноз был поставлен жестокий: туберкулезный менингит!

Медицина была бессильна перед лицом этой страшной болезни. В официальных сводках против названия «туберкулезный менингит» неизменно стояла одна роковая цифра «100» — стопроцентная смертность!

Татьяна Ивановна понимала, что дни Николая сочтены: почти никому еще не удавалось при туберкулезном менингите прожить больше двадцати одного дня...

Шли годы. Диагноз «туберкулезный менингит» по-прежнему означал лишь одно — смерть. С непостижимой точностью, в три недели, болезнь скашивала людей. Это был одновременно укор и вызов науке. В лабораториях всех стран мира ученые искали средства против злой инфекции, но успех не давался им в руки.

Врачи знали возбудителя болезни, умели умерщвлять его в пробирке, во внешней среде, но в живом человеческом теле этот мельчайший вредитель становился безнаказанным и неуловимым.

Твердыня на подступах к главному штабу

Где-то в нашем теле расположен таинственный гемато-энцефалический барьер — одно из основных фортификационных сооружений, оберегающих подступы к святой святых организма — головному мозгу.

Казалось бы, как мудро задумала природа! Как позаботилась она о сохранности основной нашей творческой лаборатории, высшего руководящего штаба — упрятала его за непроницаемый защитный вал! Но такова ирония судьбы: гемато-энцефалический барьер с

одинаковым постоянством защищает мозг и от лютых врагов и от деятельных друзей. Коварный возбудитель туберкулезного менингита нет-нет да и прорывается к оболочкам мозга, но направляемые ему вслед лекарства неизменно останавливаются перед непреступным барьером.

Задача медиков оказалась вдвойне сложной: надо было отыскать вещество, которое бы, не повреждая живых тканей, губительно действовало на туберкулезную бактерию, и надо было умудриться довести это вещество до мозга, преодолев гемато-энцефалический барьер. В XX веке наука оставалась столь же далекой от решения этой задачи, как и столетия назад.

Но вот впервые забрезжила слабая надежда... В 1914 году русские микробиологи А. Краинский, Н. Красильников и А. Коренько обратили внимание на странные свойства лучистого грибка с трудным латинским названием *Streptomyces griseus*: в его присутствии быстро погибали некоторые бактерии. Ученые не смогли еще тогда воспользоваться своим интересным наблюдением. Лишь через тридцать лет американский исследователь Ваксман продолжил эту работу и создал лечебное средство — стрептомицин, — которое наряду с другими бактериями губило и туберкулезную палочку.

Новое оружие стало хорошо действовать против легочного туберкулеза, но крепость туберкулезного менингита по-прежнему оставалась непреступной.

Родилась смелая идея — попытаться обойти естественную преграду и ввести стрептомицин непосредственно в жидкость, омывающую головной мозг. Технически это была довольно тонкая манипуляция. Прокол надо сделать в подзатылочной ямке под углом 45—50° и осторожно продвигать иглу строго по средней линии до тех пор, пока у врача не возникнет ощущение, что игла провалилась в пустое пространство. Все это требовало особых навыков, умения. Но не только в технике дело, гораздо важнее было установить, не будет ли стоить такое вмешательство жизни больному.

Однако опасения оказались в данном случае напрасными. Благодаря введению стрептомицина непосредственно в спинномозговую жидкость из каждых 100 больных туберкулезным менингитом 30—40 стали выживать.

Вскоре выяснилось, что вовсе не обязательно прибегать к столь сложным проколам, можно вводить стрептомицин между III и IV поясничными позвонками, и тогда он тоже проникает к оболочкам головного мозга.

После того как в клиниках появился еще один препарат — ПАСК (даже в колоссальных разведениях 1 : 2 000 000 он подавлял туберкулезные бактерии), врачи стали сочетать оба лекарства: стрептомицин вводят в спинномозговой канал, ПАСК давать в виде порошка. Благодаря этому из каждых 100 страдальцев выживать стали 60—70, резко уменьшился и процент тяжелых осложнений.

А что за цифрами...

Врачу часто приходится сталкиваться со слезами и болью, однако то, что Татьяна Ивановна Царева увидела и услышала в отделении туберкулезного менингита Московского института туберкулеза, по-настоящему ее взволновало.

...В большой светлой комнате — десять белых кроваток. На них маленькие, неподвижные тельца, словно забытые кем-то куклы, у которых выцвела краска на прозрачно-фарфоровых лицах. На первой кровати слева в неестественной позе лежит девочка лет четырех: шея ее напряжена, голова заброшена назад, подбородок, остренький и бледный, торчит вверх колышком, синие глаза остекленели, ноги и руки странно вывернуты в разные стороны.

— В районной больнице не сразу распознали менингит, и вот... — Палатный врач, маленькая милостивая женщина, мягким, матерински-ласковым движением поправляет волосы на голове ребенка. — Поздно к нам привезли. Четвертый день без сознания.

Медленно, от больного к больному, Царева идет за палатным врачом, а та тихим голосом, подчеркивая самое главное, рассказывает о каждом ребенке. Татьяна Ивановна старается вникнуть в эти слова, но ей мешает протяжный, жалобный плач. Он несет со всех сторон, до краев наполняя большую комнату.

Обход закончен. Врач тщательно моет руки и направляется к кровати. Лежащий в ней ребенок сразу начинает кричать — надсадно, жалобно: «Тетя, не надо... Тетя, не надо!..» Татьяна

на Ивановна притягивает больного к себе и сквозь тонкую ткань рубашки чувствует, как часто и зябко дрожит, словно прохваченное ледяным ветром, хрупкое тельце. Сестра быстро раздевает ребенка, кладет его на правый бок. На выгнутой спине гребешком выпирают из-под кожи остренькие зубья позвонков. Врач нащупывает пальцем нужное углубление, прицелившись, делает решительный прокол и медленно вводит стрептомицин. Процедура длится не более минуты, но ребенок, оглушенный нестерпимой болью, уже не кричит, не плачет, а лишь надсадно ноет...

Находка

Ординатор Царева, как и все другие врачи, начинает свой рабочий день с мучительных для детей спинномозговых пункций. Стрептомицин почти неизменно побеждает смерть. Но Татьяна Ивановна все явственнее видит, что наряду с положительным идет отрицательный процесс: организм больного со временем все мучительнее воспринимает повторные введения препарата.

Все свое искусство Царева посвятила одной цели: чтобы по чуть-чуть намечающимся сдвигам в температуре, составе крови и спинномозговой жидкости уловить момент, когда можно сказать сестре: «С завтрашнего дня пункции отменяются!» Другие врачи тоже на каком-то этапе отменяли введение стрептомицина — одному больному после 150—170 уколов, другому — после 200, третьему — после 215. Но Татьяне Ивановне казалось, что она ставит точку чуть раньше других. Она понимала, что это лишь полумера. Но что делать, если, кроме стрептомицина и ПАСКа, на вооружении врача ничего другого пока не было?

Однажды, перелистывая последние номера французских журналов, Царева наткнулась на маленькую заметку: «В Испании один из ученых применил новый препарат — ГИНК, который активно подавляет туберкулезные бактерии. Вскоре после приема внутрь ГИНК обнаруживается в спинномозговой жидкости подопытных животных».

У Татьяны Ивановны кровь прилила к лицу. Может быть, она ошиблась, неправильно перевела с французского? Нет, все правильно.

...ГИНК! Да ведь это — производное изоникотиновой кислоты! На той же основе у нас в СССР синтезирован активный препарат против легочного туберкулеза — фтивазид! Значит, между фтивазидом и ГИНКом есть нечто общее.

Исследования с помощью электронного микроскопа показали, что стрептомицин и фтивазид действуют на туберкулезную бактерию различно. Под влиянием пер-

В НЕВЕДОМ

вого нарушается целостность клетки, а гранулы — носители всех основных ее жизненных процессов — остаются неповрежденными. Фтивазид же бьет именно по грануле, опустошает клетку, образно говоря, превращает ее в пустой чехол. Препарат не действует ни на какие другие бактерии, кроме возбудителя туберкулеза, а для него пагубен даже в ничтожной концентрации — 1 : 16 000 000.

Однако никто еще не знал, как проявит себя фтивазид при туберкулезном менингите.

Нельзя медлить

Когда привозят маленького ребенка, врачам порой очень трудно точно поставить диагноз. Дело в том, что по своим внешним проявлениям туберкулезный менингит бывает очень похож на полиомиелит, энцефалит, брюшной тиф, грипп, воспаление легких, даже на поражение глистами. Чтобы поставить правильный диагноз, врач должен проявить много мастерства, большую наблюдательность. Ему могут помочь, конечно, анализы, но для них требуется время. А что, если у ребенка действительно туберкулезный менингит? Тогда решают часы и минуты: чем раньше начато лечение, тем больше шансов победить инфекцию.

Вот уже на протяжении нескольких месяцев Татьяна Ивановна наряду с первым введением стрептомицина дает своим новым больным еще и по порошку фтивазида. Последующие исследования неизменно подтверждают: препарат свободно преодолевает гемато-энцефалический барьер и быстро появляется в спинномозговой жидкости. Значит, наш фтивазид имеет в этом отношении такие же преимущества, как иностранец ГИНКИ.

...Заведующая отделением слушает, не перебивая.

— У меня в отделении лежит восьмилетняя Оля Голикова¹, — тихо говорит Царева. — Состояние хорошее. Мы уже сделали ей 49 пункций. Ребенок поправляется. Разрешите прекратить введение стрептомицина и вместо этого давать больной фтивазид.

Заведующая пытается что-то сказать, но Царева убежденно продолжает:

— Будем бдительно следить за кровью, спинномозговой жидкостью, словом, будем настороже. Чуть что, малейшее опасение, и мы снова вернемся к пункциям.

Пункции отменяются

Утром Татьяна Ивановна прошла к постели Оли Голиковой.

— Ну, как ты себя чувствуешь? — Хорошо чувствую! Уже са- жуся, вот смотрите!..

¹ Здесь и везде дальше фамилии больных изменены. — А. Ч.

С какой поспешностью демонстрирует она свои успехи!

Пока Татьяна Ивановна листает объемистую историю болезни, за ней внимательно следят две пары глаз — девочки и медицинской сестры.

— Дайте Голиковой фтивазид. Пункции временно отменяются.

...Давно известно, что ожидание — едва ли не самое томительное из всех состояний человека. Легко понять, каким тягостным и напряженным было в те дни ожидание для Царевой. По многу раз в палату наведывалась заведующая отделением, заглядывали другие врачи.

Через каждые шесть часов девочка принимала желтоватый, чуть пахнущий ванилью порошок фтивазида.

У Татьяны Ивановны вошло в привычку ежедневно по вечерам звонить в клинику. Сестры уже наперед знали, о чем она их спросит, и, не дожидаясь, сообщали: «Голикова чувствует себя хорошо, спит спокойно». На ежедневных «пятиминутках» после рапорта дежурного врача Царева сообщала коллективу клиники о состоянии здоровья Оли Голиковой. Врачи делились своими соображениями, подсказывали, советовали.

Все шло хорошо... И Татьяна Ивановна отменила пункции еще двум больным — Коле Сахарову, который успел получить 32 укола, и Саше Баширову — после 25 пункций.

Оля Голикова тем временем совсем окрепла, начала ходить, а потом и бегать по палате. Самые придирчивые многократные осмотры подтверждали: девочка выздоравливает.

О преимуществах фтивазида говорили и эксперименты на животных. Кролики, которых лечили от туберкулезного менингита без пункций, быстрее выздоравливали, лучше прибавляли в весе, были бодрее и подвижны.

Светлана Рейко

Днем позвонили из приемного покоя: привезли больного ребенка, но родители не хотят его оставлять, настаивают на встрече именно с ней, Царевой.

«Что там еще?» — подумала Царева и пошла вниз.

— Доктор, родная, уж вы извините нас, сами, небось, мать. Настасья Петровна, санитарка, соседка наша, рассказала, что вы по новому лечите. Вот мы к вам...

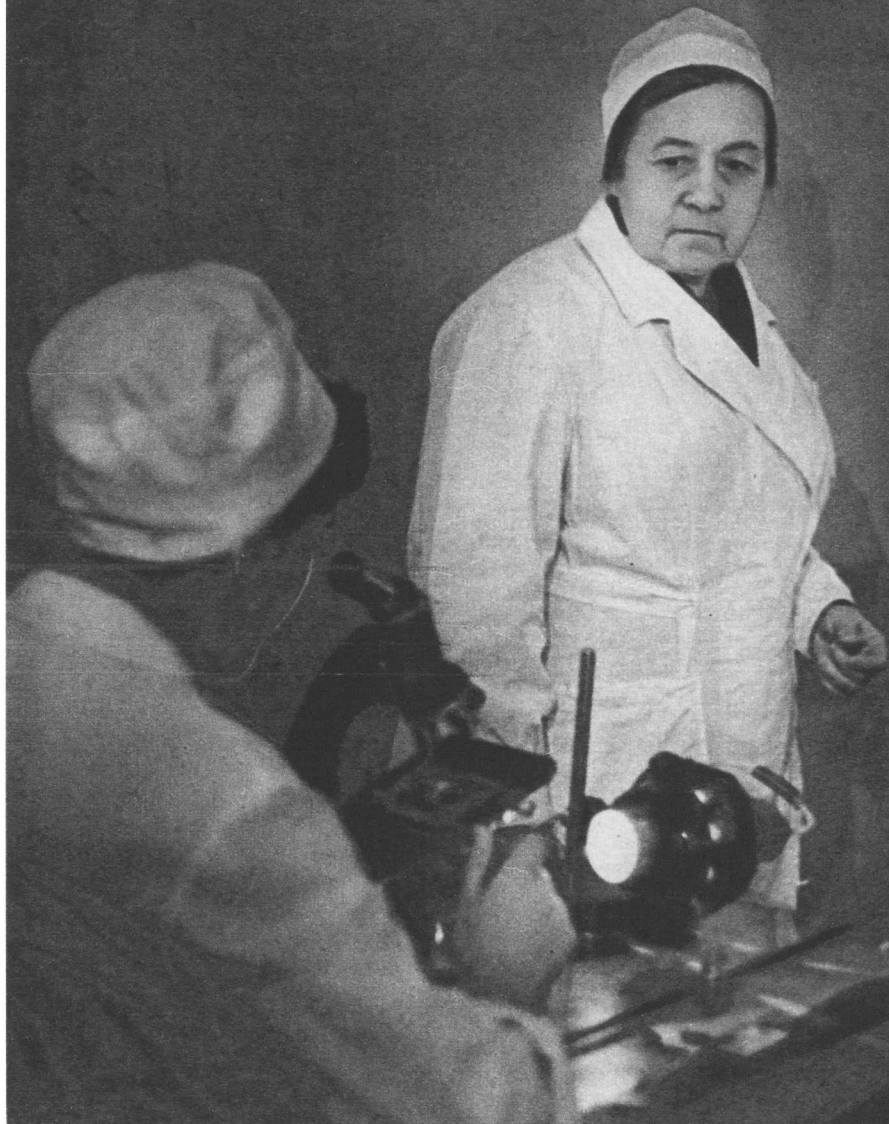
— Когда заболел ребенок?

— Седьмой день сегодня. В районной больнице думали: то грипп, то паратиф...

Царева читает историю болезни: девочке 6 лет; живет в Мытищах. Четыре месяца назад перенесла брюшной тиф, ослаблена. Заболела сразу остро, температура поднялась до 38,5°, появилась сильная головная боль, которая с тех пор не ослабевает, рвота...

— Светочка, ты слышишь меня? Светочка?

Девочка чуть-чуть приоткрывает глаза и сразу же со стоном смыкает их: ей явно мешает свет. Сестра приемного покоя что-то кричит в телефон, и по лицу больной пробегает тень: она не выносит шума, громкие звуки, видимо, пущенным эхом отдаются в ее разгоряченном мозгу. Татьяна Ивановна осторожным прикосновением пальцев слегка приподнимает сомкнутые веки — зрачки

Татьяна Ивановна Царева.

Фото А. Бочинина.

сведены к переносице, движения глазных яблок ограничены.

Царева спрашивает у родителей: давно ли у их дочки перекошен угол рта?

— Только теперь, доктор. А так она у нас хорошенькая. И губки у нее ровненькие...

Мать всхлипывает и, вытирая глаза локрем от слез платком, шепчет:

— Доктор, не откажите нам! Мы душой верим...

Царева молчит. Она уже решила! Именно с этой девочки она начнет лечение вовсе без мучительных пункций. Она понимает, что одно дело — отменить сороковую или двадцатую пункцию и совсем другое — первую... Но разве экспериментальные данные и долгие клинические наблюдения не вселяют уверенности в полном успехе? Нет, все продумано. Надо, пора решиться!.. Этого требует жизнь, ее врачебная совесть.

...С последним, шестым ударом часов Царева спохватилась, села на койку. Она проспала целых два часа подряд — редкая удача для дежурного врача.

В первой палате беззвучно хлопчет сестра Антонина Николаевна.

— Спит! — победно шепчет она, указывая одними глазами на Светлану. — И другие спят. У нас теперь всю ночь тихо.

Шли дни. Рядом со Светланой лежали уже и другие дети, которых фтивазид избавил от мучительных спинномозговых пункций. Они тоже поправлялись.

...Лучший контролер и ценитель лечебного метода — время. Оно полностью подтвердило успех беспункционного лечения детей от туберкулезного менингита. Параллельно с детской клиникой фтивазид с тем же эффектом применили и у взрослых. Новый метод был утвержден Министерством здравоохранения, стал обязательным для каждого врача и взят на вооружение сотнями и тысячами городских и районных больниц.

Теперь почти все больные туберкулезным менингитом выздоравливают. Бывают еще, конечно, неудачи, но очень редко и главным образом в тех случаях, когда лечение начато безнадежно поздно...

Я беседую с Татьяной Ивановной. Нет, она не забывает о своих самых первых питомцах. Врачу важно знать: каковы отдаленные результаты некогда перенесенного менингита? Не порождает ли фтивазид хотя и поздние, но горькие слезы?

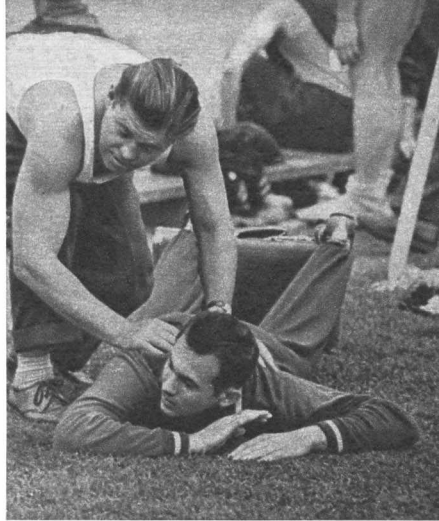
Пришла приятная весточка из Мытищ: Светлана Рейко чувствует себя отлично, хорошо учится. Ее отец, рабочий одного из местных предприятий, прислал Царевой в знак благодарности свои стихи:

За человечность вам спасибо,
За благотворный честный труд...

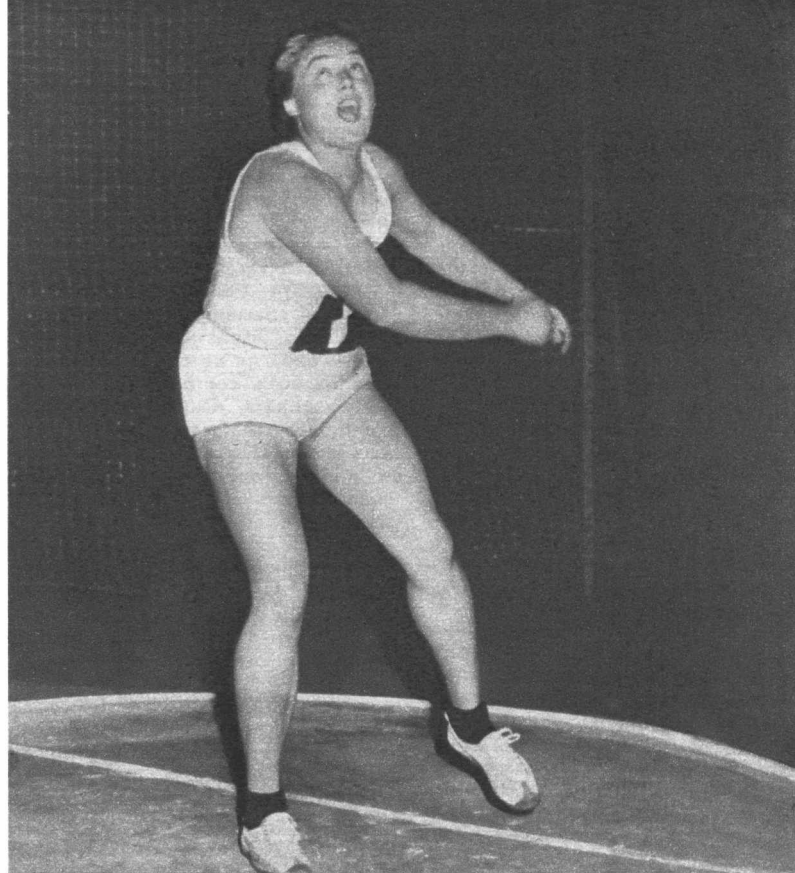
И вот еще... В глазах Татьяны Ивановны радость: утвердили ее кандидатскую диссертацию. Как-то даже непривычно: кандидат медицинских наук Царева.

ХЕЛЬСИНКИ. Первый автограф нового чемпиона Европы В. Косичкина.

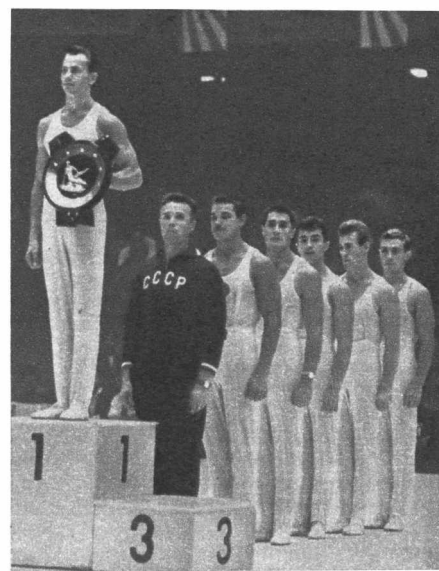
МОСКВА. Валерий Брумелъ готовится к рекордному прыжку. Может быть, умелый массаж помог ему установить новый мировой рекорд?

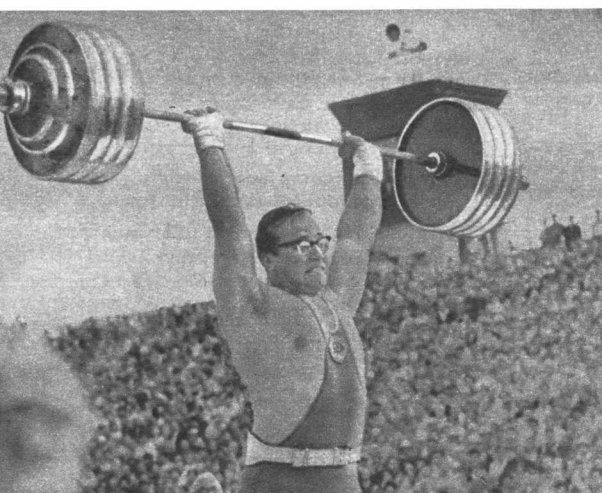
ЗАКОПАНЕ. Наша сильнейшая лыжная четверка — А. Губин, П. Колчин, Г. Ваганов и Н. Аникин — выиграла эстафету.

ПРАГА. Победитель велогонки мира Ю. Мелихов.

ТОКИО. Советские гимнасты на постаменте почета.

КИСЛОВОДСК. На штанге Ю. Власова 205 килограммов.

БЕЛГРАД. На ринге европейского чемпионата по боксу.

ВЕНА. Чемпион мира по штанге в легчайшем весе В. Стогов принимает поздравления И. Фельди (Венгрия) и И. Мияэ (Япония).

География

осмотрите на эти снимки. Какой калейдоскоп стран, имен, побед!..

Было время, когда любителям спорта не составляло особого труда запомнить рышающие, наиболее яркие события сезона: их было не так уж много. Теперь не то, теперь без карточки не обойдешься. Необычайно расширилась спортивная география, неизмеримо возросло число международных встреч. И вот перед нами мелькают Хельсинки... Закопане... Вена... Прага... Белград... Токио... Москва... Лондон... Буэнос-Айрес...

Таков далеко не полный итог уходящего спортивного года. Виктор Косичкин и Валерий Брумелъ, Павел Колчин и Тамара Пресс, Юрий Мелихов и Владимир Стогов, Юрий Власов и Игорь Новиков, баскетболисты и боксеры, футболисты и хоккеисты, гимнасты и лыжники внесли свой золотой вклад в общую копилку побед советского спорта.

Вот они перед нами, замечательные наши спортсмены. Мы видим их в ожидании старта, в пылу борьбы, охваченных радостью успеха...

Скороход Виктор Косичкин открыл победный список 1961 года, и на географической карте появилась еще одна красная точка. В Хельсинки олимпийский чемпион стал чемпионом Европы, чтобы вскоре после этого завоевать и се-

ребрянную медаль на чемпионате мира. И вот мы снова на пороге нового года следим за успехами наших скороходов. Им предстоит серьезное испытание: первенство мира по конькам 1962 года будет разыграно на московском льду...

Лед и трава. Нет, не случайно поместили мы рядом конькобежца и прыгуна. Валерий Брумелъ начал штурм мирового рекорда (2 метра 22 сантиметра), принадлежавшего американцу Джону Томасу, еще в начале нынешнего года — в январе. Помните? Ленинград, зимний манеж и феноменальный прыжок московского студента — 2 метра 25 сантиметров! Но результаты, показанные в закрытом помещении, как мировые рекорды не регистрируются. Прыжок Брумеля был лишь «пристрелкой». И вот в июне последовало точное «попадание». Брумелъ преодолел в Москве, на Центральном стадионе имени В. И. Ленина, 2 метра 23,6 сантиметра. Рекорд Томаса побит. Через месяц на матче легкоатлетов СССР — США этот рекорд был еще и улучшен Брумелем: 2 метра 24 сантиметра. Но и этот результат не оказался конечным: в Софии Валерий Брумелъ прибавил к нему еще сантиметр.

Мировой рекордсмен закончил год еще одной победой: в декабре были опубликованы итоги референдума, проведенного между двумя десятками крупнейших газет Европы. Оценка прессы была еди-

ЛОНДОН. Тамара Пресс устанавливает мировой рекорд на стадионе Уайт-сити.

Фото А. БОЧИННИНА, Л. ДОРЕНСКОГО, В. ТРУБИЦЫНА и Фотохроники ТАСС.

БУЭНОС-АЙРЕС. Встреча сборных команд СССР и Аргентины. В. Понедельник в акробатическом прыжке забивает гол.

побед

ногласной: советский спортсмен Валерий Брумелъ — лучший спортсмен года.

В тот январский день, когда прыжок Валерия Брумелъ переполнил весь спортивный мир, под Ленинградом происходили состязания сильнейших лыжников СССР и скандинавских стран. Эта встреча не принесла новых лавров нашим лыжникам. Зато другая международная встреча — в Закопане (Польша) — сложилась для них значительно удачнее. Гонщики СССР выступили там хорошо. И это было очень важно: ведь гонки в Закопане являлись как бы генеральной репетицией мирового первенства, которое назначено на февраль 1962 года.

Хочется надеяться, что скоро мы сможем опубликовать новый снимок, сделанный в Закопане, подобный тому, что сделан в Праге на финише велогонки мира. Долгое время наши велосипедисты терпели неудачи, но на сей раз их ждал большой успех: они завоевали и командное и личное первенство.

Лыжники и велосипедисты пока не могут похвастаться стабильными успехами. Не то что штангисты. Наши силачи верны себе: они побеждают. В этом году штангисты не раз радовали нас. На чемпионате мира в Вене золотые медали были вручены Владимиру Стогову, Александру Курынову, Рудольфу Плюкфельдеру и Юрию Власову.

Кто не знает Юрия Власова — самого сильного человека в мире! В начале нынешнего года референдум, проведенный между пятнадцатью крупнейшими телеграфными агентствами, утвердил Власова лучшим спортсменом Европы. Самый сильный человек обогнал самого быстрого — спринтера из ФРГ Армина Хари, который занял второе место в этом референдуме. А в июне Власов обогнал и самого себя...

В Риме на XVII Олимпийских играх Юрий Власов установил мировой рекорд в толчке — 202,5 килограмма. И вот в июне, на соревнованиях в Кисловодске, он поднял штангу весом в 205 килограммов. На снимке, присланном в редакцию «Огонька» читателем В. Трубицыным, вы видите, как был установлен этот мировой рекорд. Но и он не оказался пределом для штангиста. В Вене на чемпионате мира Власов снова обогнал самого себя. Когда судьи взвесили поднятую им штангу, на ней оказалось 208 килограммов.

Гимнаст выжимает и выталкивает тяжесть, не превышающую веса собственного тела. В этом смысле гимнастам никогда не догнать штангистов. Но по числу почетных побед они вполне могут состязаться с ними. Тяжелая атлетика и гимнастика — наши неизменные спортивные «козыри».

Главные соперники штангистов — спортсмены США, гимнасты — спортсмены Японии. Команда советских гимнастов побывала в Японии и произвела там подлинный фурор. Снимок, который мы печатаем, показывает наших спортсменов после победы. На постаменте почта капитан команды Павел Столбов, вторым стоит тренер, двухкратный олимпийский чемпион Виктор Чукарин.

А вот соседи по спортивному алфавиту: баскетболисты и боксеры. Они полноправные соседи и по своим успехам, достигнутым в нынешнем году. Мастера кожаной перчатки успешно выступили на первенство Европы в Белграде — С. Сивно, А. Туминьш, Р. Томулис, Б. Лагутин и А. Абрамов завоевали там золотые медали. Баскетболисты в том же Белграде, в свою очередь, завоевали европейское первенство.

Во многих столицах мира состоялись в нынешнем году спортивные встречи на «высшем уровне». Одна из самых интересных была проведена в Москве. К нам в гости съехались лучшие современные пятиборцы мира. Однако золотые медали остались дома. Игорь Новиков завоевал личное первенство, а вместе со своими товарищами по команде И. Дерюгиным и В. Пахомовым — и командное.

Но есть у нас и такие неутомимые спортсмены, которым одной и даже двух крупных побед мало!

К их числу принадлежит Тамара Пресс. Ленинградская легкоатлетка начала сезон с того, что в Москве метнула диск на 57 метров 43 сантиметра, намного улучшив свой мировой рекорд, который она установила в Риме. А после этого Тамара еще дважды удлиняла полет диска. В Софии на Универсиаде спортсменка метнула диск на 58 метров 6 сантиметров, а вскоре после этого в Лондоне продвинула флажок мирового рекорда еще на 92 сантиметра. На этих страницах вы можете увидеть Тамару Пресс под прожекторами лондонского стадиона Уайт-сити в тот самый момент, когда ее диск уже пущен в воздух.

По такому же «рецепту» действовали и наши футболисты. Надо ли перечислять победное турне, которое совершила в конце года сборная команда СССР: Стамбул, Буэнос-Айрес, Сант-Яго, Монтевидео! Это хорошая заявка на успех в борьбе за титул чемпионов мира. А нам остается теперь лишь одно — надеяться, что ближайшие «родственники» футболистов — хоккеисты — хорошо примут эстафету и выступят на чемпионате мира в США удачнее, чем они выступили на чемпионате мира 1961 года в Швейцарии.

...Первые пробы сил на льду и снегу уже сделаны. Впереди год 1962-й — новые интересные встречи на стадионах многих стран.

БЕЛГРАД. Чемпионы Европы — советские баскетболисты приветствуют зрителей.

МОСКВА. И. Новиков на старте. Хорошо проплыть 300 метров — и золотая медаль чемпиона мира обеспечена.

МОСКВА. Первая серьезная проба сил. На льду сборные команды СССР и Швеции — давние соперники в борьбе за золотые медали мировых и олимпийских чемпионов.

Новорожденный 1962-й и его злоключения на Западе

Рисунки Ю. ГАНФА.

В США:

— Мы позаботились о твоём приданом, малыш!

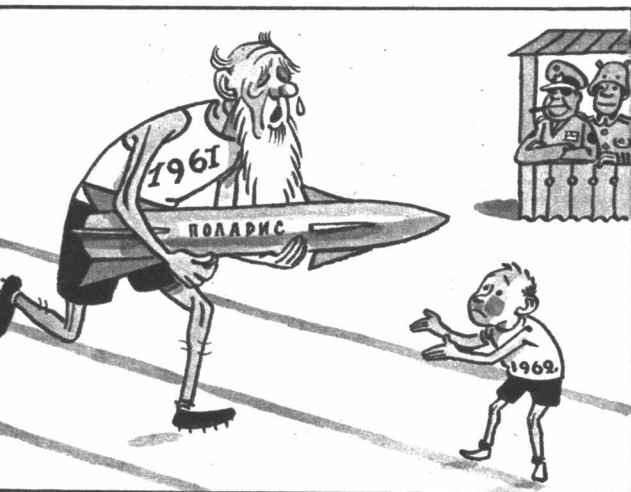
В ФРГ:

— Герр канцлер, командование бундесвера просит назвать новорожденного в честь нашего шефа Адольфом.

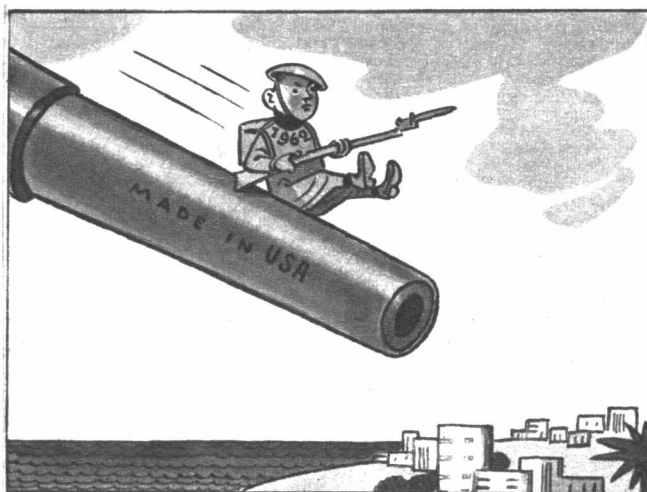

Во Франции:

«Ультра» встречают...

В Англии: Передача эстафеты.

Из США — в Доминиканскую республику.

На таможне в Мадриде:

— Я уже опаздываю, а они все роются в моих чемоданах.

В Португалии: — Не хочу идти к Салазару!..

Интервью «Огонька»

КО

В последнее время, когда речь заходит о завоевании безграничных просторов мироздания, мы привыкли обращать свои взоры и мысли к далеким звездам. Мы словно забыли, что у нас под ногами и на расстоянии, в миллионы раз меньшем, чем путь до ближайшего небесного тела, скрыты богатства, возможно, намного превосходящие сокровища других планет, которых человечество намерено достичь в ближайшие десятилетия. Мы говорим «возможно», так как достаточно точно ответить на вопрос, что за прятала природа в кладовые Земли, наука пока что не в состоянии.

Но попробуем обратиться к специалистам. В передовых рядах геологов, изучающих недра нашей страны, трудятся геофизики. Они исследуют такие глубины, куда не в состоянии добраться ни геологический молоток, ни долото бурового станка. Представители геофизической науки мы и попросили рассказать о проблеме исследования и освоения земных недр.

Профессор В. В. ФЕДЫНСКИЙ, доктор физико-математических наук, член коллегии Министерства геологии и охраны недр СССР.

Программа построения коммунизма в нашей стране требует от науки решения многих важных и трудных задач, среди которых и проблема проникновения в глубокие недра Земли. Стремление познать большие глубины земной коры вызвано необходимостью обеспечить полностью минерально-сырьевыми ресурсами материально-техническую базу коммунистического общества. Напомним, что, например, в 1980 году только нефти и газа должно извлекаться в год столько, сколько было добыто за девяносто лет существования бакинской промышленности. Чтобы добывать в 1980 году 690—710 миллионов тонн нефти и 680—720 миллиардов кубических метров газа, придется подкрепить феноменальные запасы наших месторождений новыми многочисленными открытиями. То же самое относится и к другим полезным ископаемым.

Но где и как искать эти новые месторождения полезных ископаемых, имеющих промышленное значение? Большая часть их скрыта под горными породами, залегающими у поверхности, и нужно затратить много усилий, чтобы их обнаружить. Здесь разведчики руководствуются передовой геологической теорией, данными геофизи-

СК

СМИЧЕСКИЕ

ческих исследований, разведочно-бурения и других геологоразведочных работ. Большую роль при этом играют современные геофизические приборы. Они способны «видеть» на четыре-пять и даже до пятидесяти-семидесяти километров под землей, но они, словно дальтоники, не различающие цветов, не различают вещественного состава пород, осязая лишь их твердость, упругие и электрические свойства, намагниченность. По этим физическим характеристикам можно лишь догадываться о природе вещества земных недр. Единственный способ составить себе исчерпывающее представление о земной коре, в которой скрыты несметные земные богатства, — это извлекать на поверхность и изучать в лабораториях образцы складывающихся ее пород. Так оно делается и теперь. Но разведочное бурение, к сожалению, проникло совсем неглубоко в недра земной коры. Наиболее глубокие скважины в поисках нефти и газа проникли на территории Советского Союза до глубины в пять километров, а в США — до 8 километров, но далеко еще не вскрыли всей толщи земной коры.

По геофизическим данным мы знаем, что земная кора крайне неоднородна и имеет различную мощность — от 5 километров под водами глубокого океана и до 70 километров под горными странами. Мы знаем, что земная кора состоит из слоев осадочных пород, более легкой гранитной и более тяжелой базальтовой оболочки, что под кристаллической и жесткой корой находится аморфное подкоровое вещество так называемой верхней мантии Земли. Однако все эти наши знания схематичны, относительно, приближенны. Настало время уточнить и углубить их для уверенного решения задач геологоразведочной практики. Для этого надо разбурить земную кору на всю ее толщину до подкорового слоя, пересечь ее слои. Это можно сде-

лать только сверхглубокими скважинами глубиной 12—15—18 километров. Таких скважин нигде и никто еще не бурил, но развитие современной техники позволяет ставить эту задачу.

Но стоит ли забираться так глубоко? Нефть или газ еще способны самостоятельно подниматься с таких глубин на дневную поверхность. Однако геологов интересуют, по-видимому, в не меньшей степени и твердые полезные ископаемые: руда, уголь. Ведь они же не текут.

Когда геологи указывают на необходимость проникнуть в земные недра так глубоко, они имеют в виду разведочное бурение. Но это разведочное бурение имеет своим конечным результатом не только лишь чисто научное познавательное значение. Мы часто ищем полезные ископаемые вследствие лишь из-за того, что в своих поисках основываемся на догадках или на недостаточно полных знаниях. Образование таких полезных ископаемых, как руды, происходит на больших глубинах. Если бы мы знали достаточно много не только о местах рудных залежей, но и о законах зарождения и путях перемещения руды, мы не уподоблялись бы охотнику, вынужденному в поисках зверя заглядывать под каждый куст, но, встав на четкий след у логова, шли бы верной дорогой до самой добычи.

Вот почему возникает настоятельная необходимость познать вещественный состав глубоких недр, получить новые данные об источниках нефти, газа, металлов, подкоровых вод, подкрепить данные геофизики прямыми исследованиями недр и тем самым помочь геологической науке подняться на новую ступень ее развития.

Почему же проникать в глубокие недра мы собираемся только теперь, если необходимость в этом существовала и раньше?

Во-первых, вполне естественно, что принятие новой Программы КПСС ставит и перед геолога-

ми новые, более высокие требования, удовлетворить которые можно, лишь существенно расширив пределы науки о Земле. Во-вторых, для удовлетворения этих законных, более высоких требований нужно очень серьезно усовершенствовать технику глубокого бурения.

Существует мнение, будто сверхглубокие скважины, то есть скважины, проникающие за достигнутые ныне пределы, можно бурить с помощью старых, лишь слегка усовершенствованных буровых установок. Но большинство специалистов — и я разделяю это последнее мнение — сходятся на том, что количество тут должно переходить в качество и для сверхглубоких скважин потребуются качественно совершенно иное буровое оборудование. Такое оборудование еще предстоит создать. В этом-то и заключается причина, почему до сих пор сверхглубокие скважины не ставились в повестку дня. Когда теперь в наших планах начинает появляться глубина 15—18 километров, то мы не должны забывать, что в таких скважинах мы встретим температуры, возможно, до 500 градусов Цельсия выше нуля и давление порядка нескольких тысяч атмосфер.

Алмазное долото призвано сыграть важнейшую роль в проникновении в недра. Однако и это оружие разведчиков далеко не идеально, что наталкивает изобретателей на мысль проходить скважины не сверлением или резанием, а огнем, гидравлическим ударом, кумулятивными, то есть направленными, взрывами. В этой связи необходимо создание новых видов бурения горных пород.

Вот, например, один вопрос, на первый взгляд даже не очень сложный. Геологам понадобится знать все о породах, через которые пройдет сверхглубокая скважина. Отбирать образец-керна и извлекать его на поверхность на каждом метре проходки совершенно невозможно, хотя такие образцы и будут добываться как можно чаще.

Данные о составе пород, слагающих стенки скважины, мы получаем из скважины от геофизических приборов, которые способны подавать информацию наверх по кабелю. Но в скважине глубиной в десяток — полтора десятка километров кабель под собственной тяжестью растянется на десятки метров, как мягкая резинка, а сам высокоточный хрупкий геофизический прибор окажется в 400—500-градусном пекле под давлением, способным превратить в лепешку и более прочные конструкции.

Вот и выходит, что геологам понадобятся материалы, из которых делаются космические корабли. И глубина в два десятка километров, с точки зрения технических трудностей ее освоения, по праву может быть названа «космической».

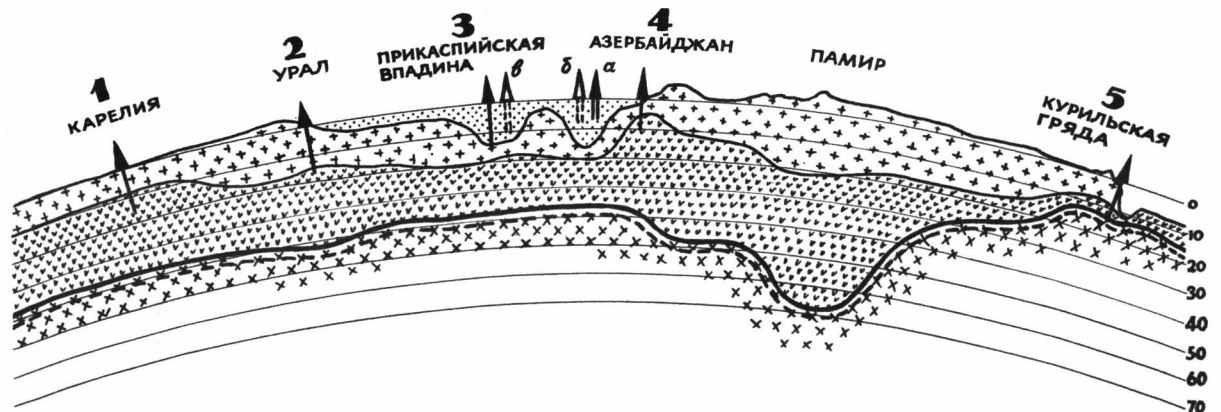
А долго ли ждать появления первых сверхглубоких, «космических» скважин?

Советские разведчики недр, инженеры и мастера бурения ведут в последние годы непрерывное упорное наступление на большие глубины. Наши славные нефтяники Азербайджана уже сейчас достигли глубины в 5040 метров и пробурили десятки скважин глубиной от 4 до 5 километров, многие из которых дают богатые притоки высококачественной нефти. К большим глубинам — порядка пяти километров — стремятся также геологи и буровики Грозного, Краснодарского и других нефтеносных районов. В настоящее время начато бурение двух сверхглубоких скважин на нефть до семи километров глубины в Прикаспийской низменности и в Азербайджане. Все это предвещает развернутое наступление на еще большие глубины. Проблема сверхглубокого бурения сейчас широко обсуждается большим кругом ученых, инженеров и техников, коллективное мнение которых тщательно изучается Министерством геологии и охраны недр СССР и Академией наук СССР для подготовки такого наступления.

Схематическое представление о строении земной коры на территории Советского Союза по данным геофизических исследований (горизонтальные размеры условные)

Земная кора состоит из трех основных слоев переменной толщины — рыхлой осадочной толщи, гранитного и базальтового слоев. Толще всего земная кора под высокими горами, тоньше всего — под глубокими водами океана.

Скважина «а» уже пробурена в Азербайджане до 5040 метров — это самая глубокая скважина в Европе. Скважины «б» в Азербайджане и «в» в Прикаспийской низменности начаты бурением в 1961 году с расчетом достижения глубины в 7 километров. Возможные места заложения будущих сверхглубоких скважин намечаются так, чтобы все они

вместе дали полный разрез земной коры: 1 — скважина в Карелии пройдет самые древние граниты, имеющие возраст более 2,5 миллиарда лет, и войдет в базальты; 2 — Уральская скважина изучит глубинные породы этой «шкатулки геологических сокровищ» и, пронизав граниты, дойдет до базальта; 3 — скважина в Прикаспийской низменности пройдет осадочную толщу на нефть и газ и войдет в подстилающий ее кристаллический фундамент; 4 — Азербайджанская скважина изучит осадочные породы, богатые здесь нефтью и газом, пройдет подстилающий их гранитный слой и войдет в базальты; 5 — скважина на Курильских островах должна пронизать граниты и базальты и достать еще никогда не виданные человеком породы подкорового вещества верхней мантии Земли.

Все пять скважин вместе дадут общее представление об основных слоях, слагающих земную кору. Для этого их глубина должна достигнуть 10—12—15 и даже, может быть, 18 километров.

ВАЖНЫ

Пьер

Ширинкин

Рассказ

Николай КУЗЬМИН

Мы сидели в классе за уроком немецкого языка, когда сторож Дементьич просунул голову в дверь и шепотом позвал меня к директору. Я попросил разрешения у немца, вышел в коридор и к Дементьичу:

— Не знаешь, зачем?

Он плутовато подмигнул мне и поддразнил:

— Хорошего не жди!

В коридоре стояла тишина, за закрытыми дверями шли уроки. Я шагнул в учительскую и ломал голову: зачем я понадобился нашему «Статскому советнику и Кавалеру»? Эти титулы директор неизменно собственной рукой выводил на бумагах перед своей подписью, и нам это казалось почему-то смешным. Особенно слово «кавалер». Значило оно только то, что директор награжден за свою службу ор-

Советским читателям хорошо известны циклы рисунков Николая Васильевича Кузьмина к «Евгению Онегину» (1933) и «Графу Нулину» (1959), «Горю от ума» (1952) и «Маскараду» (1949), «Левше» (1955) и «Запискам сумасшедшего» (1960). Работы эти получили широкое признание и за рубежом.

Сейчас Николай Васильевич пишет книгу автобиографических рассказов. Один из них с иллюстрациями автора мы печатаем ниже.

деном, но в сопоставлении с его брюшком и лысиной «кавалер» звучало комически. Впрочем, усмехались мы лишь втихомолку. Директор был для нас грозным начальством, и вот сейчас я, хоть и не знал за собой никаких провинностей, идя к нему, трусил.

Директор сидел в учительской комнате один. Он сунул мне для рукопожатия вялую, пухлую, неживую ладонь и кивнул на стул. Я присел.

— Ровно в два часа сегодня вам нужно быть у мадам Ширинкиной. Адрес знаешь? С последнего урока — что у вас там? Рисование? — ты можешь уйти. Ей нужен учитель для младшего сына, я рекомендовал вас. По главным предметам его ведут наши педагоги, а ты будешь преподавать историю и географию.

Говоря со мной, он мотался, как маятник, между «ты» и «вы», и я отлично понимал движущую силу этих колебаний. Удоставая меня обращением на «вы», директор показывал, что готов почтить во мне успевающего ученика и близкого «абитуриента» и вот рекомендует даже в наставники к сыну предводителя дворянства. Затем спохватывался и пугался: а не перехватывает ли он в изъяснениях почтения, не передает ли мне лишнего? И перескакивал на привычное «ты».

Он пояснил, что младшего сына предводителя, Пьера, надо было подготовить к экзамену на вольноопределяющегося. Экзамен этот давал право на льготный срок военной службы: вместо трех лет полтора года. Кроме этого, вольноопределяющийся при выходе в запас получал офицерский чин.

— А сколько следует назначить за уроки, Александр Иванович?

Директор сказал, сколько.

Ширинкины были в нашем городе люди знатные: отец моего будущего ученика состоял по выборам уездным предводителем дворянства и считался крупным землевладельцем. Дом их на главной улице города был каждому известен. Я даже бывал в нем и раньше. Отец не раз поручал мне относить к Ширинкиным аккуратно завернутые в черный коленкор отглаженные брюки, визитки или пиджаки, — «да только не изомни, смотри». Но тогда я заходил со двора через черный ход, а сейчас звонил с парадного крыльца.

Открыла дверь горничная в белом фартуке и белой наkolке и провела меня по комнатам к барыне. В покоях мадам Ширинкиной стоял крепкий аромат «Сердца Жанетты», излюбленных духов у дам нашего бомонда. На голубых обоях по стенам висело множество фотографий в рамках — все военные и дамы — и большая репродукция в широкой плюшевой раме с «Демона и Тамары» Зичи. Вместо иконы — в переднем углу мадонна Каульбаха с заплаканными глазами. На столиках и этажерках — флакончики, морские раковины, шкатулочки из перламутра и цветной соломки, всякие безделушки, среди которых неизбежные фарфоровые слоники от большого до крошечного: известно было, что они приносят счастье.

Барыня в летах, но нарядная и авантажная, смуглая, в родниках, с коричневыми веками и черными цыганскими глазами, с большим

бюстом, подтянутым корсетом к самому носу, сидела на диване среди вороха пестрых вышитых подушечек. Меня пригласили сестра, и я, стараясь не обнаружить свою робость, опустился на голубой пуф.

Барыня сказала, что все ее дети очень способные и талантливые: Люлю кончила институт с шифром, Вольдемар в полку на отличном счету и даже получил приз за верховую езду. Только бедняжке Пьеру не повезло. Он по слабости здоровья запустил уроки, и его пришлось взять из кадетского корпуса домой.

— Мы не жалеем для него средств. Его скоро призовут — не идти же ему в полк простым солдатом! К нему ходят лучшие педагоги из реального училища. Математику ему преподает сам Александр Иванович. Он так хвалил ваши успехи, мсье Кузьмин. Вы еще ученик, но Пьер дал мне слово, что будет вас слушаться. Маргарита Платоновна тоже рекомендовала вас с самой лучшей стороны. Помогите бедняжке Пьеру, он очень, очень способный, только ужасно рассеянный.

Появился бедняжка Пьер — юноша могучего роста и отличной упитанности. Мясца из него так и выпирали повсюду. Штаны чуть не ло-

пались на его толстых ляжках, шея жирной складкой лежала на крахмальном воротничке. Тужурка была ему тесна, рукава коротки. Было очевидно до жалости, что он из своего костюма сильно вырос.

Белый, румяный, с заметными усиками, с рассеянным телячьим взглядом, он был, пожалуй, даже недурен, только подбородок был у него тяжеловат, да мясистый язычок не укладывался в своем вместилище, а покоился на нижней губе всегда полуоткрытого рта. Иногда Пьер, спохватываясь, захлопывал рот, но стоило ему зазеваться, как непокорный язык вылезал на волю и снова занимал свое место на губе.

Мы поднялись с Пьером в его комнату в мезонине дома. Пока я не сел, ученик мой стоял на вытяжку, демонстрируя свой гвардейский рост и ироническую почитливость к заморышу-педагогу. Он был на добрый вершок выше меня ростом и смотрел своим блуждающим взором куда-то вдаль поверх моей головы.

Он явно злился, был не в духе и не скрывал, что презирает и педагога, и науки, и весь этот балаган. Ну что ж, дело понятное — сколько ни топырься, а все же обидно для самолюбия: детине призывного возраста и роста иметь в наставниках школьника, мальчишку! С грустным достоинством, хрипловатым кадетским баском отвечал он на мои вопросы, покорно и уныло блуждал по карте в напрасных поисках рек и гор, островов и проливов: «ничего, мол, не поделаешь, надо терпеть».

Он не знал, куда впадает Обь, где находится Денежкин Камень, как звали коня Александра Македонского, что сказали древляне Ольге из ямы, куда их сбросили прямо в лодках, зачем сняла Софья Витовтовна пояс с Василия Косого.

Однако он не говорил просто: «Этого я не знаю», — а отвечал на заданный вопрос первой

подвернувшейся на язык бессмыслицей. Так, о коне Александра Македонского он сказал, что его звали «Крепыш», а древляне будто бы закричали Ольге: «Ура, с нами бог!» Я не удивлялся этой странной манере, потому что уже раньше знал, что по кадетским традициям полагалось лучше пороть ахинею, чем молчать. Ахинеи набралось столько, что мне стало жутковато: где такого оболтуса натаскать к экзаменам за оставшиеся три месяца? Наше собеседование походило на диалог глухих или сумасшедших: на каждый вопрос я получал нелепый ответ. И порой мне начинало казаться: уж не валяет ли мой ученик просто-напросто дурака?

Да нет: вот про эпоху Петра Первого он отвечал почему-то весьма порядочно и даже неожиданно блеснул кое-какими сведениями сверх учебника.

— Кабы вы всю русскую историю так знали! — сказал я ему.

Пьер самодовольно хмыкнул.

— Я знаю кое-что, чему в школе не учат. Ведь мой предок, стрелецкий старшина Федор Ширинкин, участвовал в заговоре Цыклера против царя Петра Великого, за что и был казнен в Москве, на Красной площади. И вообще наш род очень древний и знаменитый в истории. Герб Ширинкиных: в красном поле — лестница и три гранаты, намет акантовый золотой, подложенный красным. Вы знаете, что такое намет?

— Нет, признаться, гербами я мало интересовался.

Пьер презрительно умолк, надувшись от спеси. Он был доволен, что «осадил» меня с моею школьной премудростью. Его язык, воспользовавшись рассеянностью хозяина, вылез и разлегся на губе.

«Нет, шалишь, не будет твоего верха надо мной», — подумал я и сказал:

— Запишите небольшой отрывок.

У меня за два года педагогической практики в памяти скопилось куча диктантов, которые я знал наизусть. В сущности, не мое дело было проверять его познания в правописании, — на то у него был словесник, но я выбрал нарочно диктант географического содержания, чтобы он не заподозрил подвоха.

Я начал диктовать отрывок из «Фрегата Паллады» о встрече со смерчем:

— «Зарядить пушку ядром, — кричит вахтенный...»

Отрывок был невелик, но Пьер наделал в нем кучу орфографических ошибок. Я подчеркнул их красным карандашом и вернул листок с бесстрастным лицом неподкупной педагогической Фемиды. Демонстрация была убедительной, Давид победил Голиафа.

Постучавшись, вошел слуга с зажженной лампой и пригласил меня вниз:

— Барин просит вас к себе.

Кабинет Ширинкина-отца был похож больше на моленную. В углу в три ряда стояли иконы в богатых ризах. Перед некоторыми горели цветные лампадки, хотя день был будний. У стола сидел грузный мужчина лет пятидесяти пяти. Толстая короткая шея, бычий взгляд из-под тяжелых век. В коротко остриженных волосах пробивалась седина, квадратная борода была железного цвета.

Он встал, принял мою руку в широкую ладонь и поклонился чуть не в пояс. Заботливо усадил меня и, усевшись напротив, осведомился, как поживает мой папаша и много ли у него работы. Куда собираюсь я поступать после окончания реального училища? Не мешают ли моим успехам репетиторские занятия?

Какой добрый, какой любезный, какой отзывчивый слон, даже в это вникает! Вот какие бывают настоящие-то аристократы!

— Вы не курите?

— Нет, не курю.

— Это похвально, я в полку курил, а теперь вот тоже бросил. Ну, а как, на ваш взгляд, обстоят дела у Пети с науками? (Он назвал сына Петей, а не Пьером, и это мне тоже понравилось.) Хватит ли времени подготовиться к экзаменам?

Я сказал, что думал. Ширинкин вздохнул.

— Да, да, я понимаю: трудновато, много запущено. Будем надеяться на божью помощь! Его святая воля! Все в руках всевышнего!

Он обернулся к своему иконостасу и осенил себя широким крестным знамением.

Разговор наш подходил к щекотливому

пункту. Уроки я давал уже третий год, но всегда терялся, когда спрашивали о плате.

— А сколько желаете вы получить за ваши труды?

Я проглотил слюну и неуверенно назвал цифру, назначенную директором.

Ширинкин поглядел мне ласково в глаза и потрепал по колену.

— Ну, я думаю, что мы с вами поладим, — сказал он и предложил ровно половину.

Этого я никак не ожидал и промолчал. Молчание мое было принято Ширинкиным за согласие.

Он встал и протянул мне широкую ладонь.

— Так с богом, в добрый час! Передайте мое почтение вашему батюшке!

Я вышел на улицу. Были синие сумерки. По Московской улице катились на рысаках, запряженных в легкие санки, молодые купчики. Между двумя яркими, единственными в городе, керосинно-калильными фонарями гуляли молодые люди и барышни. Остальные фонари в городе были простые керосиновые, с маленькими семилинейными лампами. Фонарщик

РОДИНА ПОМНИТ

16 октября 1918 года военный комиссар VI армии писал Владимиру Ильичу: «После трехдневного боя под умелым руководством Уборевича наши малочисленные части взяли благодаря глубокому обходу хорошо укрепленную деревню Сельцо, на левом берегу Северной Двины...»

По личному указанию Ильича И. П. Уборевич за эту операцию был награжден орденом Красного Знамени. Это лишь одно из свидетельств полководческого таланта выдающегося советского военачальника Иеронима Петровича Уборевича, 65 лет со дня рождения которого исполняется сегодня.

Младший офицер старой армии, Уборевич с начала 1917 года связал свою судьбу с судьбой большевистской партии. Многие победы Красной Армии связаны с его именем. Будучи командующим XIV армии Южного фронта, он наносит тяжелое поражение Деникину под Орлом. Смертельная опасность для молодого Советского государства миновала... 1920 год. Уборевич решительным ударом войск в направлении на Винницу и Жмеринку обеспечивает успех наступлению Красной Армии. На его груди появляется еще один орден Красного Знамени... Разгромлены белополяки. Партия посылает Уборевича на подавление кулацкого восстания антоновцев в Тамбовской губернии.

Кому не знакомы слова песни про «штурмовые ночи Спасска, Волочаевские дни»? Но, к сожалению, мало кто знает, что Спасскую операцию возглавлял главнокомандующий Народно-революционной армией Дальневосточной республики Иероним Петрович Уборевич. Семь сомкнутых редутов полевого типа, огражденных окопами, блиндажами, прикрывали город Спасск со всех сторон. Здесь были сосредоточены отборные войска генерала Молчанова.

Уборевич распорядился сначала провести длительную артиллерийскую подготовку. Обстрел вражеских позиций шел более суток. 8 октября 1921 года войска пошли на штурм города, но безуспешно. Части подтягивались для более решительного удара. В полночь громовое «ура» разнеслось по сопкам. Уже рассвело, а штурм все продолжался. Первый батальон Хабаровского стрелкового полка повел в атаку лично главнокомандующий. Кавалерийские части обошли врага с фланга и ударили ему в тыл. Бойцы захватили штаб генерала Молчанова, знамена трех полков, бронепоезд и другие трофеи и двинулись на Владивосток. Третьим орденом Красного Знамени наградила Родина прославленного полководца за эти успехи.

Кончилась гражданская война. Уборевич командует войсками ряда округов. Он участвует в издании советской военной энциклопедии, разработке новых уставов и наставлений, им создано несколько учебно-методических пособий.

Все, кто знал Уборевича, помнят его как человека решительного, строгого и очень внимательного, мужественного и исключительно скромного. Характерен для его облика такой, например, случай. Когда Уборевич узнал, что его собираются к дню рождения представить к награждению четвертым орденом Красного Знамени, он решительно запротестовал. «Эта награда, — говорит он, — должна выдаваться только за боевые отличия и заслуги».

В 1935 году И. П. Уборевичу одному из первых было присвоено высокое звание командарма 1-го ранга. На XVI съезде Коммунистической партии он избирается кандидатом в члены Центрального Комитета.

Трагически оборвалась жизнь Иеронима Петровича. В числе других видных военачальников он стал жертвой культа личности...

«Жертвами репрессий», — сказал в заключительном слове на XXII съезде КПСС Н. С. Хрущев, — стали такие видные военачальники, как Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк, Егоров, Эйдеман и другие. Это были заслуженные люди нашей армии, особенно Тухачевский, Якир и Уборевич, они были видными полководцами».

Яркая жизнь Иеронима Петровича Уборевича, искусного советского полководца вписана в историю нашей армии, нашей страны.

Г. ВОЛКОВ,
Я. ГОРЕЛИК

Писатели и книги

Повесть нашей юности

КНИГА АЛЕКСАНДРА ФАДЕЕВА

Это не роман и, конечно, не повесть, хотя книга и названа «Повесть нашей юности». Это сборник писем, страницы воспоминаний, но сквозь них вырисовывается образ большого писателя и человека, коммуниста и борца, которому сейчас исполнилось бы 60 лет.

Можно было не знать лично Александра Александровича Фадеева, но при чтении этой книги зримо возникает его четкий и верный портрет. А для тех, кто знал Фадеева, книга — еще одно яркое напоминание о человеке, вся жизнь которого была без остатка отдана партии, чье творчество — благородный пример служения народу.

Почти мальчишом он вступил в партию, сражался в партизанских отрядах против белогвардейцев и японских интервентов. Его «Разгром», переведенный на десяти языков, широко известен и советскому и зарубежному читателю, не плод кабинетного изучения жизни, а сама жизнь, ее яркий ступень, сама борьба, с ее трудностями, невзгодами, радостями.

Перелистывая «Повесть нашей юности», видишь, какой большой человек был Фадеев, как сильно он чувствовал, переживал, страдал. И, раздумывая над этим,

Александр Фадеев. Повесть нашей юности. Из писем и воспоминаний. Детгиз. Москва. 1961. 350 стр. Составитель С. Н. Преображенский.

понимаешь, откуда такая глубина его книг, такая прозрачность мысли и чистота языка, такая честность и правдивость. Жизнь, партия, личное участие в борьбе дали ему эту силу слова и мысли.

В «Повести» приведены воспоминания Юрия Либединского, который одним из первых заметил талант Фадеева: «С того момента, когда мы, начав разговор, взглянули в глаза друг другу, мне особенно запомнились его глаза: в их яркой синеве было что-то твердое... Много раз видел я эти глаза и добрыми, и грустными, и нежными, и решительными, и даже яростными, когда в них словно загорался синий огонь. Но никогда не видел в них тусклого равнодушия и мелочного ожесточения... Держался он с большим достоинством, за похвалы бла-

с лестницей переходил от фонаря к фонарю, чистил ершиком ламповое стекло и спичкой зажигал фитиль. Падал легкий снег.

Я был недоволен собой и ругал себя тряпкой. Я не умел показать твердости характера. Я должен был сказать жестко и непреклонно: «Нет, я не согласен!» — и с достоинством уйти. Оробел, брат, перед барской наглостью! Сколько тебе, любезный, за труды? Сколько пожалеете-с! Экая бычья морда у этого Ширинкина: настоящий Минотавр! Ну, если он Минотавр, то ты-то, братец, в Тезеи не годишься. Да какой там Минотавр, просто Собакевич: как он ловко, по-маклацки меня обставил! Что ж, дураков надо учить, а эти люди таким вот образом округляют свои капиталы!

Дома ждал меня мой друг Сашка. Он сидел у катка и разговаривал с отцом. Я передал ему поклон от богомольного Ширинкина.

— Обходительный господин, — отозвался отец. — Прижимист малость, но зато хозяин! Имение у него под Салтыковкой богатейшее!

Сашка с нетерпением ждал от меня подробного рассказа о визите.

— Пойдем расскажем.

Мы уединились, и я ему выложил все подробности. Сашка возмущался:

— Дурак будешь, если уступишь, раз директор сам назначил цену.

— Теперь уже неловко отказываться.

— Чего неловкого? Пиши письмо, я отнесу.

Я принялся сочинять письмо. По письменной части я понаторел на бумагах у страхового агента.

«Милостивый государь Петр Федорович, я допустил оплошность, не предупредив вас, что размер гонорара за уроки был установлен самим директором Александром Ивановичем, и я не беру на себя смелость что-либо изменять в его предначертаниях.

Благоволите переговорить с ним лично по этому вопросу, и на любое ваше решение я заранее даю полное и безоговорочное согласие».

— «Гонорар!» «Благоволите!» «Предначертания!» Ну и дипломат! Ну и Талейран! Пускай

он теперь с директором торгуется! Надписывай конверт, мигом доставлю.

Через день директор сказал:

— Петр Федорович просит вас зайти... Приступай к занятиям.

Я стал ходить на урок к Ширинкину ежедневно. Пьер поначалу ломался, был надут и амбициозен, глядел мутными глазами в угол мимо меня. Потом обошелся, обмяк. Ему надоело топыриться, а я излишне не изнуял его науками, отлично понимал, что при покровительстве директора, имея учителями всех своих будущих экзаменаторов, Пьер без боязни мог взирать на предстоящие экзамены.

На уроках мой великовозрастный ученик откровенно томился, скучал, позевывал в кулак, был рассеян, а к концу урока все чаще забывал убирать язык с губы, но едва мы кончали, стряхивал с себя сонную одурь, закурился папироску и оживлялся. Иногда, в знак особого благоволения, доставал спрятанную в столе толстую тетрадку, куда он записывал все услышанные анекдоты, и вычитывал мне из нее новинки.

Тетрадку эту он завел недавно в подражание жениху своей сестры Люлю — барону Рамму, от которого он перенял также дурацкую манеру заканчивать речь небрежно роняемым в пространство вопросом: «А? Что?»

По поводу тетрадки с анекдотами я не удержался и спросил:

— Зачем вы записываете такую чепуху?

Он поглядел на меня снисходительно:

— Еще как пригодится — в полку, например! Барон говорит, что благодаря такой вот тетрадке он повсюду душа общества.

Однажды, спустившись после урока из мезонина, мы остановились у накрытого для обеда стола.

— Составьте мне компанию, оставайтесь обедать. Наши все уехали, одному мне будет скучно. А? Что?

Из любопытства я остался. Обед, который подавал нам старый молчаливый лакей, был, к моему удивлению, очень плох. Жидкий суп, битки и раки — все это невкусное, вчерашнее,

плохо разогретое. Пьер поглощал все блюда с отменным аппетитом. «Ах ты, пан Трык, штаны из лык: три дня не ел, а в зубах ковыряет. С чего же ты такой толстый?» На сладкое подали чай с мятными пряниками — базарным

годарил сдержанно. Мне сразу очень понравился этот немногословный и, видимо, сильный молодой человек.

Этот портрет точно рисует не только внешний, но и внутренний облик Фадеева. В письме своему другу Цапурину А. Фадеев пишет: «...Я лично, опираясь на собственный опыт и на опыт других литераторов, как начинающих, так и «кончающих», не советовал бы тебе бросать работу и приниматься за литературные дела до тех пор, пока ты не напечатался и не только будешь уверен в собственных творческих силах, но и получишь общественное признание. Литературный труд обманчив: всякий пишущий человек, от самого маленького до самого крупного, не имеет ясного представления о собственных способностях, часто склонен их преувеличивать, хотя и не менее часто переживает горькие муки сомнения».

Совет этот был бы очень полезен некоторым начинающим писателям — прозаикам и поэтам, которые, опубликовав два-три подчас не очень зрелых произведения, торопятся взобраться на литературный Олимп, уходя от реальной жизни, обрекая себя на творческое захирение.

Говоря о себе, Фадеев, как и полагается большому писателю, понимает, что те силы, которые ему даны, рождены и развиты в нем партией: «Все лучшее, что я сделал, — на все это вдохновила меня партия. И я горжусь тем, что состою в нашей великой Коммунистической партии, и считаю это огромной честью для себя».

Жизненный путь Александра Фадеева, который описан в книге, нелегок, тернист, но славен, ибо это путь писателя — борца и коммуниста.

Ник. КРУЖКОВ

«Две жизни» — так назвал свой новый роман ленинградский прозаик Сергей Воронин. Многим читателям известны его рассказы о советских людях, его повести, среди них особенно популярна «Ненужная слава». Давно прочитана эта повесть, но в памяти живет образ Катюши Луконой, простой крестьянской женщины, испытавшей по воле незадачливых районных руководителей короткую радость быстрого взлета и изменчивой славы, а затем тяжелую драму падения и горечь утраты самого близкого человека.

Произведения Сергея Воронина волнуют прежде всего живыми человеческими характерами, воинствующим гуманизмом, своей простотой и лиризмом.

Действие романа Воронина «Две жизни» относится к концу тридцатых годов и разворачивается в глухой и неприютной тайге с ее дремучими зарослями, завалами, предательскими болотами, крутыми сопками и речными перекатами, в тайге, которая не любит слабых людей.

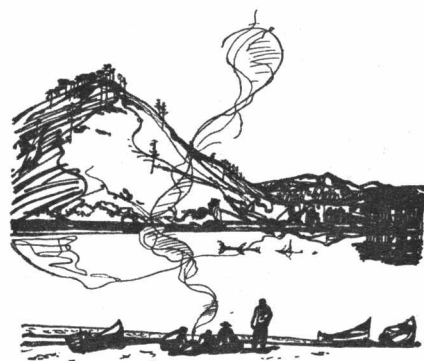
Герои романа — геологи, инженеры, техники-путейцы, рабочие — участники изыскательской экспедиции. Это люди, прокладывающие новые пути-дороги, разведчики будущего.

Невелик коллектив изыскателей, но очень различны их характеры, их отношение к жизни, труду, друг к другу. Роман написан в форме дневника. Его ведет двадцатилетний младший техник-путеец Алексей Коренков. Он впервые ра-

ботает в изыскательской партии. Вначале он предстает перед нами романтически настроенным молодым человеком. Вот он едет в поезде и радуется тому, что будет трудиться вместе с хорошими и смелыми людьми. Его волнует неведомое, новое, что ждет впереди. «Я стою и смотрю, и все новое мчится ко мне, и нет этому новому конца... Поезд мчится в будущее. Все, что знакомо, — не жизнь. Только новое, пусть опасное, пусть трудное, пусть мучительное, только оно нужно настоящему человеку», — записывает Алексей Коренков в дневнике.

Герой строг, серьезен. Даже тогда, когда ему улыбается милая девушка, он остается подчеркнуто сдержанным. «Но мне нет никакого дела до ее улыбок. Изыскатель — это человек суровой души», — думает Алексей. — Он рожден для подвига. Впереди ждут его великие испытания. И поэтому нет для меня этой девушки».

Идет время. Жизнь и работа изыскателей, полные трудностей и лишений, как дым, развивают романтическое мироощущение Алексея. Он начинает сознавать, что действительность намного проще и вместе с тем гораздо сложнее, нежели ему представлялось. Более трезвыми становятся его взгляды, более зрелыми его отношения с людьми. В довершение всего Алексей женится на Тасе — той самой улыбчивой девушке с сияющим взглядом, до которой, как он раньше считал, ему нет никакого дела. На наших глазах формируется сильный, мужественный характер молодого изыскателя. Расставаясь с ним, мы

убеждены, что никакие трудности не сломают его, не лишат его стремления к неизведанным далям, веры в будущее и в людей, в торжество добра и справедливости.

Много волнующих проблем поднято в романе: взаимоотношения людей в нашем обществе, смысл жизни и труда, любовь и ненависть, смелость и трусость, жалость и жестокость, честность и подлость, романтика и действительность, искусство и реальность... Все это в конце концов сводится к мысли, что человек должен гордо и бережно нести свою мечту о народном счастье, всеми силами бороться за нее, приближать ее и только честным, смелым и сильным дано найти верные пути к счастью. Мысль эта пронизывает роман, вытекает из основного конфликта — столкновения начальника партии Костомарова и начальника участка Градова.

Костомаров — скромный, талантливый инженер. Он

ищет и находит наиболее экономичный вариант железнодорожной магистрали. Градов — сторонник другого, менее удачного, но зато его собственного варианта. Ему ничего не стоит одним взмахом перерисовать то полезное и ценное, что сделал коллектив. Это бессердечный, жестокий, самовлюбленный карьерист и демагог, равнодушный ко всему и ко всем. Градову, типичному вырожденцу периода культа личности, удается отстранить от работы Костомарова. И лишь спустя много времени, как об этом повествуется в эпилоге, жизнь решила этот конфликт в пользу Костомарова. Однако сколько морального и материального ущерба нанесла градовщина!

Роман «Две жизни» — произведение большого социального звучания, помогающее глубже разобраться в жизни, воспевающее великое значение и смысл коммунистического труда.

Юрий ПУХОВ

лакомством, которое можно было купить в любой деревенской мелочной лавочке.

Я вспомнил разговоры в городе о богатстве и скaredности богомольного Ширинкина и сообразил, почему скуден обед и почему мой юный жантильмодет не по росту.

На пасхе приехал в отпуск старший брат, корнет, во всем великолепии своего кавалерийского оперения. Пьер был не ниже ростом и даже, пожалуй, дюжеее брата, но каким мизерабельным должен был он казаться самому себе в своей куцей тужурке и коротеньких брючках! Райской музыкой звучали для него волнующие названия различных частей кавалерийской формы: ментик, доломан, чикчиры, ташка...

Он мысленно видел себя в форме вольноопределяющегося, лихим кавалеристом. Тоже, черт возьми, неплохо: «вольноопёры» в полку с офицерами на дружеской ноге, допущены к товарищеским выпивкам...

Наступила весна.

Как ни укутана была Пьеру дорожка к диплому, все же ему предстояло новое тяжелое испытание гордости. Экзамены приходилось держать вместе со школьниками — учениками реального училища, среди которых Пьер с его ростом и усами выглядел совершенным Митрофанушкой. Да черт с ними, с мальчишками, можно вытерпеть и насмешливые взгляды, и шуточки, и хихиканье — только бы получить диплом! Никто, впрочем, не сомневался, что экзамены пройдут гладко.

Но вмешался черт и перепутал всю игру.

В реальном училище оставалась вакантной должность инспектора. Незадолго до экзаменов на эту должность из округа прислали учителя математики Дьяченко.

С первых же шагов новый инспектор не поладил с директором, и между ними разгорелся долгий петушинный бой не на живот, а на смерть.

В маленьком городе такие отношения не остаются тайной, реляции о стычках директора с инспектором оживленно обсуждались, и все

гадали: кто перетянет? Одолеет ли наш старый «Статский советник и Кавалер» или возьмет верх более молодой, но не менее опытный в интригах его хитрый соперник?

Пьер шел на экзамен по математике с мрачным предчувствием. Я его встретил в коридоре училища. Он сильно трусил. Белые крахмальные манжеты его сорочки были сплошь исписаны математическими формулами. Он поминутно засовывал их под рукава.

— Ну, ни пера, ни пуха!

Он махнул рукой. Действительно, положение! Готовил его по математике директор, а экзаменовывать будет Дьяченко. Уж он-то не упустит такого счастливого случая подложить своему сопернику свинью.

Мне потом рассказали, что произошло на экзамене.

Дьяченко вызвал к доске Пьера Ширинкина первым и вежливо истерзал его каверзными вопросами по всему курсу. Уже на третьей минуте стало ясно, что Пьер идет ко дну.

Пьер стоял у доски, грузный и потный, в костюме не по росту, с тряпкой и мелом в руках. Он глядел тупым, телячьим взглядом на своего мучителя, от волнения забыв спрятать язык, который глупо вылез на губу. Инспектор сидел, закрутив свои длинные ноги за ножки венского стула, и ласково улыбался. Молчание длилось.

— Ну-с, что же вы нам поведаете еще, господин Ширинкин?

В классе захихикали. Лицо и уши Пьера налились краской, он раздавил своими толстыми пальцами мел — только крошки посыпались, — бросил тряпку на пол и, не сказав ни слова, медленно пошел к двери. Все смотрели на его могучую спину и толстый зад, обтянутый узкими брюками.

Дьяченко усмехнулся и вlepил единицу. На этом экзамены и кончились.

Впрочем, Пьер все же получил свой диплом. Он благополучно сдал испытания в августе месяце, но не у нас, а где-то в другом городе. Верно, там нашлись более сговорчивые экзаменаторы.

Фотомонтаж А. ЖИТОМИРСКОГО.

В новогоднюю ночь окна трудятся без отдыха: они сияют до утра. В этом доме окна сверкали, как звезды. Ибо именно звезды населяли этот дом. На его фронтоне красовалась надпись, какую можно прочесть только в новогоднюю сказочную ночь: «Дом ветеранов экрана». Но жили тут не актеры, а персонажи знаменитых некогда кинокомедий. Подчеркиваем, «некогда», ибо никто из киногероев последнего времени не удостоился чести быть поселенным туда: скучные люди. Единственным новым жильцом был Пес Барбос.

Итак, здесь веселые люди встречали Новый год! Из квартиры, где собрались «Верные друзья» (Б. Чирнов, В. Меркурьев и А. Борисов), неслась песня:

Помните, братцы, вместе мы пели,
Как мы однажды сидели на мели...
Но так обмелели кинокартины,
Что прежние мели — нынче глубины.

Былой король комедии Э. Гарин проводил ночь у телефона; он звонил редактору «Мосфильма»:

— Сделайте чудо, дайте новую роль!

Грустный голос отвечал ему:

— Я не волшебник. Я только учусь.

Мы двинулись дальше. Вот за стеклом мелькнули фантастические тени, а за ними — знакомое лицо.

— Ильинский! Фантастика! Он в новой роли?

Но высунувшийся в форточку Огурцов мрачно отрезал:

— За то, что Ильинского не снимают в новых фильмах, лично я никакой ответственности не несу!

Любовь Орлова, следуя новогодним традициям, гадала по зеркалу: в каком новом обличье предстанет она перед зрителями в новом году? Зеркало упорно показывало... Анюту из «Веселых ребят».

В этом окне мы увидели героя Р. Плятта. Он наслаждался новогодним ужином. Видимо, изголодался по комедии. Недаром кинозрители говорят:

— Натерпелись мы страха от кинокомедий в этом году. Хотим Плятта за страх!

Неунывающий утесовский Костя из «Веселых ребят», как и много лет назад, размахивал бичом над съемочной площадкой. Может быть, он упрямо старался изгнать скуку из комедий? Но скука не из трусливых — закалилась за столько лет!

Заглянув в квартиру, где жили персонажи, созданные М. Жаровым, мы надеялись увидеть целую компанию его героев. Но обнаружили самого актера, как говорится, «в партикулярном платье»... играющим на трубе.

— Не «Девушку же с гитарой» здесь селить! — буркнул он.

И кто-то констатировал со вздохом:

Трубит тревогу М. И. Жаров —
К нему неласкова судьба:

Ведь если Девушке — гитара,
То фильму, так сказать, труба.

Похожая на Ф. Г. Раневскую одинокая женщина стояла перед зеркалом, явно вспоминая давнюю свою «Весну».

— Я никогда не была красивой, — шептали ее губы, — но ведь я всегда была чертовски мила на экране!

В гости к герою С. Мартинсона пришли героини Любови Орловой и Веры Марецкой, и взволнованный хозяин пел им под гитару сентиментальный романс:

Я встретил вас, и все былое
В душе моей воскресло вновь...

Тот не найдет в кино покоя,
Кто видел Веру и Любовь...

Из квартиры, где жил Швейк в исполнении Б. Тенина, донеслась реплика бравого солдата, рассуждавшего о комедии:

Ей Барнет изменил.
И Пырьев к ней не лучше.

У нас в полку
Аналогичный случай!

Герой имел в виду свою сверхсрочную службу в боевом комедийном подразделении под командованием Сергея Юткевича.

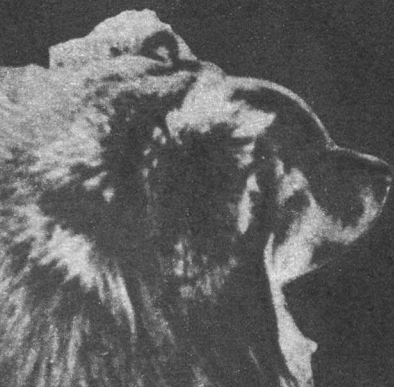
Чернасовский Грозный пришел в гости к комедийным героям Черкасова и предложил им выпить за новые работы актера в кинематографе. Но вместо этого Николай Константинович целый вечер читал всем свои книги, которые он издал в последние годы. Киноцарь допытывался:

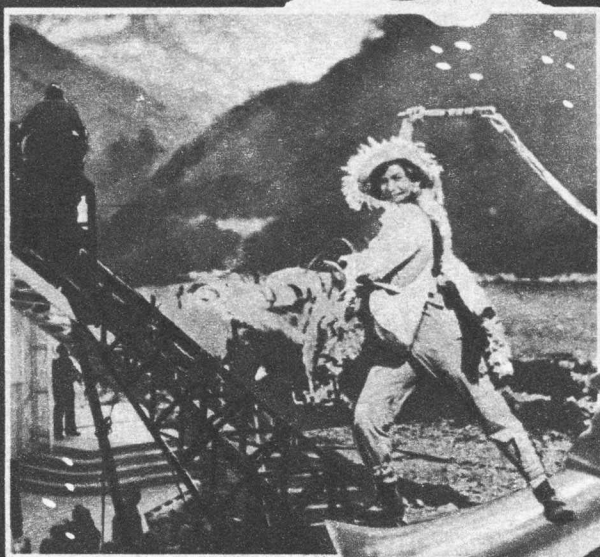
— Ты от кино в бегах?
Продался вражьей прозе?

Аль зритель стал суров?
Аль ныне критик грозен?

Неудобно было подслушивать дальше, и мы так и не узнали, кто виноват в отсутствии комедии на экранах: директора киностудий, сценаристы, режиссеры или грозная критика, отвадившая от комедии актеров. Эта неизвестность продолжает нас мучить. Зрителя тоже.

...Всю новогоднюю ночь горели окна в этом удивительном доме. Не светились только экраны, где надлежало идти кинокомедиям.

В НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ

Наши читатели уже знакомы с популярнейшим французским комиком Ахилом Заваттой («Огонек» № 51 за 1960 год). По просьбе редакции «Огонька» жена артиста Моника-Сюзанна ЗАВАТТА написала небольшой рассказ о его творческом пути.

АРТИСТ ШАПИТО

Ахил Заватта родился в Северной Африке, в Тунисе, в черносской семье. Из тринадцати детей он был самым младшим.

Заватта — старшая семья циркачей, работающая в цирках уже сто пятьдесят лет. Ей принадлежит идея создания для Алжира, Туниса и Марокко первого цирка-шапито.

Отец Ахила стал обучать сына уже с трехлетнего возраста опасным номерам. С шести лет Ахил начал выступать на цирковой арене. Он показывал небольшие акробатические трюки и иногда выполнял обязанности клоуна, забавлял зрителей в промежутках между номерами.

Когда Ахилу было двенадцать лет, семья Заватта переехала во Францию. Ахил оказался в «зооциркесе», владельцем которого был Альфред Курт. Хозяин принял обучать пареня дрессиров-

не. Курт считался тогда знаменитым укротителем зверей: то, что проделывали его львы, тигры, пантеры, медведи, было замечательно. В этом цирке Заватта стал, как говорится, мастером на все руки: и акробатом, и наездником, и жонглером.

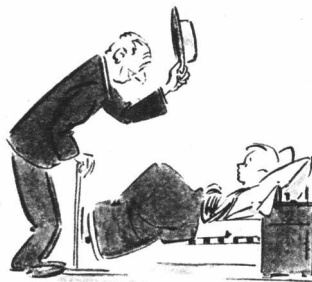
Однажды вечером клоун цирка Ранси не явился на представление. Охваченный паникой директор упрямил Заватту заменить клоуна. В тот вечер и определилась дальнейшая судьба Ахила. Заватте тогда исполнилось семнадцать лет. Его комическое антре имело огромный успех, и с того дня до самого конца ангажемента Заватта ежевечерне выступал уже в роли клоуна. По окончании сезона с артистом был подписан ангажемент на восемь дней для выступлений в парижском Зимнем цирке. Этот ангажемент растянулся на целых двадцать лет!

В восемнадцать лет Заватта стал популярным цирковым артистом Парижа. В Зимнем цирке он создал свои наиболее известные постановки: «Гонец из Техаса», «Королева Сьерры», «Снегурочка», «Лесной Робин», «Принцесса — бродячая акробатка», «Жемчужина Бенгалии». В них Заватта мог показать свои способности во всех видах циркового искусства. В «Лесном Робине» он пролетал под куполом цирка, ухватившись одной рукой за веревку. В «Идоле Шанхая» прыгал, сидя верхом на лошади, с высоты одиннадцати метров на залитую водой арену. Все эти опасные трюки он проделывал с легкостью.

Бесконечны были шуточные проделки клоуна. В «Королеве Сабат» арена находилась под водой. По ходу пьесы к принцессе, затерявшейся в море на плоту, спешит на выручку принц. И вот Заватта вывернул из дна лодки, на которой

должен был плыть принц, почти все болты. И когда принц пустился в плавание, пришлось Заватте спасать актера, не умевшего плавать.

ИСТОРИЯ О МАЛЕНЬКОМ КЛОУНЕ

Заватта объездил множество стран. Частенько путешествовал он с передвижным шапито и по Франции. Однажды один из грузчиков, на котором везли львов, опрокинулся. Львы выбрались из клеток и принялись разгуливать по полю. Как водворить зверей обратно? Заватта предложил самый простой способ. Прямо в поле собрали входной цирковой туннель, к которому привадили животных. Львы, нагулявшись, направились в туннель, а из него — прямо в клетки.

Артист часто выступал в госпиталях и особенно в детских больницах. И мне хотелось бы вспомнить одну маленькую историю. Больной ребенок, которого врачи считали обреченным, слушал в больнице по радио четверговые детские передачи, в которых регулярно выступал Заватта. Ребенок попросил, чтобы к нему пришел сам артист. Заватте передали это, и он явился к больному прямо в гриме.

Ахил рассказал мальчику какую-то красивую историю о маленьком клоуне, а потом по просьбе родителей часто приходил к нему в гости. У ребенка появилось желание жить, и он выздоровел.

КЕМ ЖЕ БУДЕТ ЗАВАТТА?

После двадцати лет работы в Зимнем цирке Заватта покинул цирк и, как отмечала «Юманите», стал создавать свои, проникнутые гуманизмом скетчи. Заватта — один из пионеров французского телевидения. Здесь он сыграл и поставил свыше 75 скетчей. Из телеви-

дения он перешел в кино, затем в большой парижский мюзик-холл, из мюзик-холла в театр. Парижская печать называла его парижским Чаплином.

Из шутника артист превращается в человека сдержанного, сосредоточенного. Теперь это скорее человек, который все время тревожится, что он не оправдает ожиданий публики, все время стремится к совершенствованию.

Заватта легко перевоплощается на сцене и на манеже. Он работал со знаменитыми клоунами Франции — с Деспар-Плежа, с Алексом и Рольфом. Но потом он начал ощущать, что времена клоуна в одежде с блестящими миновали. И Заватта стал выступать в своей обычной одежде. Это было неожиданностью для зрителей. Не все поняли артиста, у него появились противники. Но, раз приняв решение, Заватта навсегда отказался от костюма белого клоуна.

Печать предсказывала, что это принесет Заватте неудачу, заверяла, что он катится к катастрофе. Однако рискованный шаг привел к огромному успеху. Именно в этом костюме Заватта провел свою триумфальную премьеру в мюзик-холле «Олимпия», на которую собрался «весь Париж». Публика вызвала его раз пятнадцать. Именно с этого вечера Заватту стали называть французским Чаплином.

Заватта начал сниматься в кино. Эту работу он прервал, чтобы поехать в СССР и выступить в программе французского цирка.

Недавно он играл в пьесе Марселя Ашара. После этого критика обнаружила, что Заватта — типичный персонаж для пьес Мольера. Быть может, они предсказали новое будущее артиста?

Рисунки В. Черникова.

ОБИДНЫЕ СКАЗКИ

Л. ЛАГИН

Житие Козьявина

Жил человек по фамилии Козьявин.

Ему раз сказали:

— Козьявин, а Козьявин! Поди вон в ту сторону, посмотри, нет ли где Сидорова. А то кассир пришел, зарплату выдавать будут.

— Есть! — сказал Козьявин. Пошел в указанном направлении и пропал. Два года не было о нем ни слуху, ни духу.

На третий год является. Голодный, ободранный, худой-прехудой. Борода оброс до колен.

Оказывается, он вокруг всего земного шара в указанном направлении прошел и у каждого встречного спрашивал:

— Не видали часом товарища Сидорова? А то кассир пришел, зарплату выдавать будут.

Рисунки А. КАНЕВСКОГО.

Вот какой исполнительный был сотрудник!

Встал вопрос: куда девать Козьявина? На его должность уже два года как другого человека приняли. Тоже исполнительного, но неглупого и инициативного.

Получается такая ситуация: отдел кадров подыскивает для Козьявина штатную единицу, а Козьявин тем временем мотается, как неприкаянный, скучает без приказаний.

Забрел он как-то раз на одно заседание, сел тихо-смирно в уголке, ждет, не будет ли каких приказаний.

А дело было летом. От мух спасу не было.

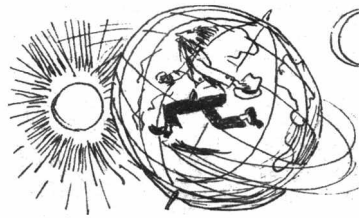
И вдруг председатель замечает: — Что за чудеса! Все мухи подохли!

Проходит несколько дней, на другом заседании замечают: опять та же история! То было полно мух. Жужжали, кружились, гуляли по лицам участников заседания. И вдруг все мухи — лапки вверх. Только успевай выметать.

Смотрят, а в уголке Козьявин сидит, томится, ждет хоть каких приказаний.

Становится ясно, что если приглашать на заседания Козьявина, то можно немалые суммы сэкономить на ДДТ. Подсчитали: в четыре месяца окупит свой годовой оклад.

Тем временем местком устроил культпоход на казеиновый завод. И Козьявин тоже туда пошел скуки ради.

И тут выясняется, что уже в двадцати метрах от Козьявина молоко скисает в одиннадцать с половиной секунд. Так что, если использовать на данном предприятии Козьявина в качестве окислителя молока, то производство казеина ускорится в несколько раз, а себестоимость пуговиц и прочих казеиновых изделий снизится на сорок семь процентов.

Таким образом, получилось, что теперь уже сразу две организации стали бороться за Козьявина. Казеиновый завод тянул его к себе в качестве сверхскоростного окислителя, а учреждение, в котором Козьявин раньше служил, к себе, мух морить.

Пока вопрос решался в более высоких инстанциях, Козьявина послали в Крым поправляться от кругосветного перехода.

Прибыл Козьявин к месту назначения, стал по всей форме отдыхать.

Вот раз утром пошел он, как полагается, на физзарядку, стал дышать по команде «Вдох!.. Выдох!.. Вдох!.. Выдох!..»

И только он, согласно команде, сделал выдох, срочно вызвали физкультурника в контору.

Воротился физкультурник спустя некоторое время из конторы,

Носовик

Давно ли платок стал неотъемлемой частью современного туалета? Какова история «носовика», как еще недавно называли его у нас в народе?

Оказывается, носовой платок вошел в обиход не очень-то давно по сравнению, например, с платком головным или шалью. Эти предметы исправно служат человечеству десятки веков, а носовой платок — всего лет четыреста-пятьсот.

Древние греки и римляне носили в складках своих туник (или накидывали на шею) особый кусок материи — судорий — для вытирания пота с лица. Афиняне, прогуливаясь, держали его обычно в руке. Использовать судорий для сморкания было бы верхом неприличия. По строгому римскому этикету человек с насморком вообще не должен был показываться в обществе. Древнеримский юрист и оратор Плиний-младший учил молодых ораторов незаметно удалять испарину с лица во время выступления. Из комедий Плавта нам известно, что римляне при выборе невесты наводили справки, не подвержена ли она насморку, а великий сатирик Ювенал указывает, что «мокрые нос дамы» и сморкание в общественном месте служили поводом для развода.

В средние века духовенству предписывалось ношение с левой стороны рясы платка для вытирания лица. Но служили эти платки, видимо, скорее как украшения: для них не скупилась на пурпур и парчу.

Пользованию платком нужно было учить. Этому, например, учил бургундского принца Эразм Роттердамский. В начале XVIII века наставление Эразма было переведено на русский язык для студентов Славяно-греко-латинской академии.

На Востоке ношение носовых платков долгое время было привилегией царствующих особ и главных сановников. Бросание платка женщинам гарема считалось знаком особого благоволения. Очень сложны были рецепты благовоений для платков.

Когда вошло в моду нюхать табак, платок стал первой необходимостью, но тем не менее открыто пользоваться им считалось неприличным, в особенности дамам. Артистам французской сцены еще в XIX веке запрещалось пользоваться носовым платком во время спектаклей. В 1829 году в Париже при первой постановке шекспировской трагедии «Отелло» в переводе Альфреда де Виньи некоторые критики упрекали переводчика и постановщика в том, что они не смягчили и не переделали эпизод с «грубым предметом» — платком. Кстати, именно Шекспир впервые «обыграл» этот предмет на сцене.

Было много попыток использовать носовой платок для рекламных и для пропагандистских целей. Французские милитаристы пытались превратить носовой платок в наглядное военно-учебное пособие. Военное министерство в 1882 году выпустило «общественный платок». На его красном поле красовался орден Почетного Легиона. На полях были отпечатаны изображения частей винтовки и статьи воинского устава.

В США выпускалась даже газета «Носовой платок». Она печаталась на платках обычного формата и содержала «захватывающие» романы с продолжением, сенсации и рекламные объявления. Прочел — и сморкайся!

Р. ШТИЛЬМАРК

Веселые зверята

Наша экспедиция работала в Ставрополье, в Темижбекском совхозе. Однажды ночью меня разбудили странные звуки. Заунывное всхлипывание, потом уханье, подвывание и, наконец, звонкие удары по воде.

В бассейне, наполненном водой, шевеля толстыми голыми хвостами, плескались огромные усатые крысы со смешными круглыми мордами. Некоторые, привлеченные светом фонаря, подползли к борту, становились на задние лапы. Нутрии! Ну, конечно, это нутрии, или коипу. Так называют их на родине, в Южной Америке, откуда завезли к нам этих ценных пушных зверьков. Неприхотливые и быстро размножаю-

щиеся, они живут теперь на многих зоофермах; завели своих нутрий и ученики темижбекской школы.

Больше всего нутрии любят купаться. В воде проводят они добрую половину дня. Потом начинается долгий и тщательный туалет. Надо расчесать каждый волосок, каждую шерстинку. И, добравшись до загривка или приглаживая свой круглый животик, зверек принимает самые неожиданные и уморительные позы. Невозможно удержаться от смеха, глядя, как какой-нибудь толстый отец семейства с невозмутимо-важным выражением обеими лапами приглаживает себе затылок.

В. ТАНАСИЙЧУК

Семейные неприятности.

Храмы над морем

Фелюга легко скользила по Нилу. Поворот — и перед нами открылось удивительное творение древних зодчих: пещерный храм в скалах Абу-Симбела.

В прибрежной скале были высечены четыре гигантские двадцатиметровые фигуры фараона Рамсеса II. Эти огромные стражи у входа в пещерный храм несут свою вахту 32 века...

— Скоро, — сказал наш спутник-египтянин, — этот район исчезнет в водах молодого моря, которое возникнет в результате строительства Асуанской плотины.

Два года назад ОАР и Судан обратились к ЮНЕСКО с просьбой сохранить редчайшие памятники прошлого. Эксперты разработали план археологических раскопок, 23 храма и ряд других памятников наметили переместить в соседние районы.

Но как быть с ансамблем Абу-Симбела, который весит 300 тысяч тонн? Сдвинуть такую глыбу почти невозможно.

Польские ученые предлагали прикрепить храм Рамсеса II железобетонным колаком-щитом. По этому проекту, над щитом должно было плескаться море. Туристы смогли бы осмотреть сказочный храм, спустившись на скоростном лифте на дно.

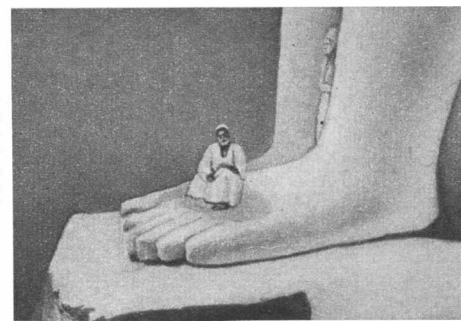
Английские специалисты разработали другой план: предложили окружить храм полукруглой дамбой высотой в 70 метров и откатать воду. Но, возвышаясь над водой, дамба разрушила бы архитектурное единство дворца и Нила, кроме того, храм подвергался бы действию сырости.

Принят вариант, предложенный итальянцами: поднять храм на 62 метра и поставить на площадке, которая будет вытеснена над Асуанским морем. Дворец сохранит свою древнюю красоту, по-прежнему пассажиры плывущих по Нилу фелюг и пароходов будут видеть гигантских колоссов. Но как поднять памятник весом в 300 тысяч тонн? Строители отрежут храм от

примыкающих к нему скал. Затем предполагается его упаковать в железобетонные конструкции, 300 мощных домкратов начнут медленно поднимать памятник. Подъем продлится 70 месяцев.

А. АБРАМОВ

Это не Гулливер в стране великанов, а египетский крестьянин на ноге древней статуи.

смотрит, а Козьянин лежит на песочке, лицо синее, и уже он конченеть начал.

Вот ведь беда какая! Ждал-ждал Козьянин, чтобы ему «Вдох!» скомандовали, да и не дождался. Так Козьянин и вымер.

Фокины травмы

Шум, треск по городу пошел.

В чем дело? Что такое?

А это Фока пальцем в носу ковырял, носдюро порвал.

Моментально Фоку в больницу, носдюро заштопали, создали условия. Подлечили — и в Крым,правляться после операции. Поскольку налицо трудовая травма. Поправился, воротился, при-

ступил к исполнению обязанностей.

Прошло некое время.

И вдруг снова шум, треск, гам.

Что такое? В чем дело?

Неужто опять трудовая травма? Она самая: Фока пальцем в носу ковырял, палец сломал.

Немедленно Фоку в больницу. Создали условия. Палец на шину. Залили гипсом. Руку на марлевую повязку. И послали Фоку в Сочи, чтобы лучше косточки срослись на увечном пальце.

Замечательно срослись. Как новые!

Поправился Фока, вернулся к исполнению.

Снова проходит некое время, и снова шум, треск, гам, грохот, стукотня.

Что такое? Что случилось? Неужто она?

Она самая — трудовая.

Фока себе, зеваючи, челюсть вывихнул. Да еще спросонок с кресла своего на паркет грохнулся. Копчик себе повредил.

Экстренно, конечно, Фоку в больницу, челюсть вправили, копчик крест-накрест перевязали, повязку справили и направили Фоку в Одессу, на тамошний лиман, копчик заживлять.

А его совсем не туда надо было посылать.

О пользе известки

Большой был сад. Одного садовника не хватало. Двоих наняли.

Оба старательные. Оба саду добра желали.

Пришла пора деревьям стволы белить, чтобы червь не поел.

Один садовник говорит:

— Сад у нас большой, хозяйство богатое. Не будем прибедняться. Денег хватит.

И вымазал деревья чудным белым лаком.

Блестят деревья — глазам больно. Красота неопишная. Хотя экскурсии води.

А второй садовник говорит:

— Нам сад разводить, а не богатством хвастать.

Разболтал в ведре известку и побелил свои деревья.

Ему тот садовник говорит:

— Ты что? Да вы пройдитесь, еще испачкаются о твою известку.

Второй садовник говорит:

— А пес с ними, пусть не шляются. Здесь не парк для прогулок, а плодовый сад. Тут фрукты растут на пользу людям.

Прошла весна, лето минуло. Наступила осень.

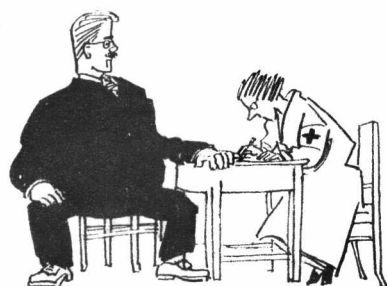
Стали сравнивать, у кого как уродилось.

Смотрят, а у того, на кого дамы жаловались, урожай получился не в пример богаче...

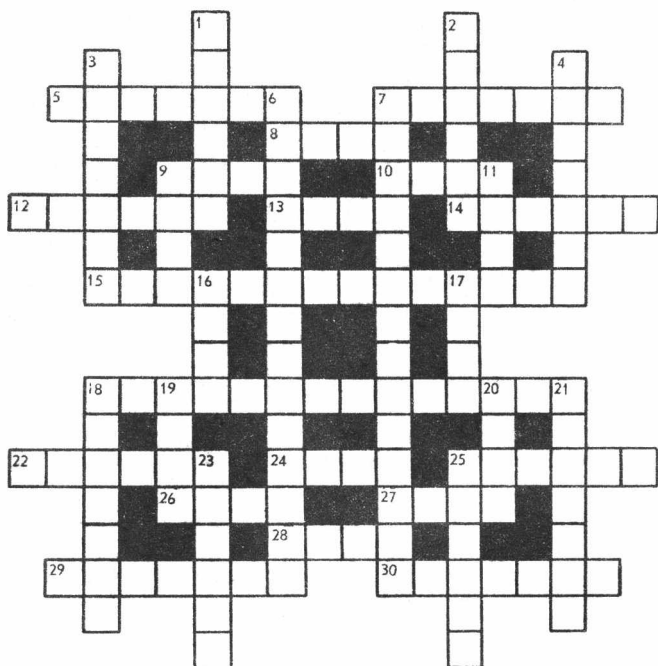
Мы никак не говорим, что лак хуже известки.

Все полезно во благовремении.

Для борьбы с червями полезней известка.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Кормовая репа. 7. Ансамбль из шести исполнителей. 8. Автор стихотворных произведений. 9. Резкий, сильный толчок. 10. Чешский живописец и график XIX—XX веков. 12. Древнее гребное судно. 13. Полуостров в Греции. 14. Советский археолог. 15. Чтение, сопровождаемое музыкой. 18. Художник, создатель рисованных кинофильмов. 22. Литературный жанр. 24. Наружная обшивка деревянных речных судов. 25. Русский металлург XIX века. 26. Сорт яблоки. 27. Металл. 28. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 29. Специальность рабочего. 30. Советский авиаконструктор.

По вертикали:

1. Группа выдающихся деятелей. 2. Концентрированный сок винограда. 3. Картина И. И. Шишкина. 4. Город в Италии. 6. Беспристрастие, верность истине. 7. Установление единых норм на сырье, готовые изделия, материалы. 9. Марка радиоприемника. 11. Порода собак. 16. Тонкая длинная щетинка у злаков. 17. Опера Дж. Верди. 18. Хлопчатобумажная ткань. 19. Созвездие северного неба. 20. Белорусский поэт. 21. Высшая степень развития. 23. Река в Сибири. 25. Страна в Африке.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЕ В № 31

По горизонтали:

4. Сахалин. 5. Максакова. 6. Ситец. 8. Носач. 10. Румба. 11. Сироп. 13. Сосуд. 15. Ромашка. 18. Жюкей. 19. Скала. 20. Вольт. 22. Афиша. 24. Диорама. 26. Вакса. 27. Рубль. 28. Эскиз. 30. «Нэнси». 31. Зарян. 32. Президент. 33. Кулибин.

По вертикали:

1. Танкер. 2. Валаамка. 3. Широка. 6. Стриж. 7. Церий. 8. Насос. 9. Чепца. 11. Соколов. 12. «Природа». 13. Самовар. 14. «Джалиль». 16. Манто. 17. Шайба. 20. Выгон. 21. Такси. 22. Арбуз. 23. Айран. 25. Реквизит. 28. Эребус. 29. Зрение.

На первой и четвертой страницах обложки: Кремлевский Дворец съездов вечером.

Фото Я. Рюмкина.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.
 Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-28; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10626. Подписано к печати 29/XI 1961 г.
 Формат бум. 70×108%. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л.
 Тираж 1 850 000. Изд. № 2121. Заказ 3188.

Ордена Ленина типография газеты «Правда».
 Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

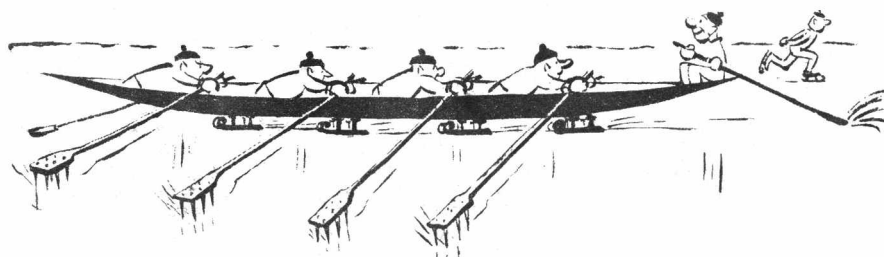
— Что ты принес?! Ведь сейчас в моде лишь малагабаритная мебель!

Рисунок В. Воеводина.

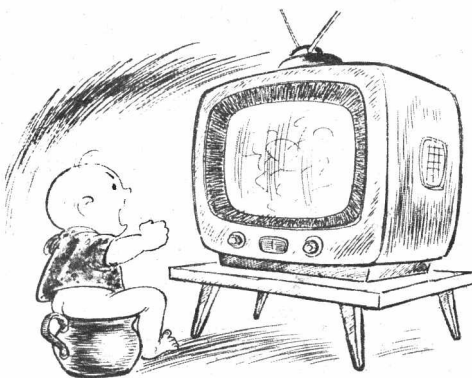
Горячее объяснение.

Рисунок М. Вайсборда.

И все-таки тренируемся!

Рисунок В. Воеводина.

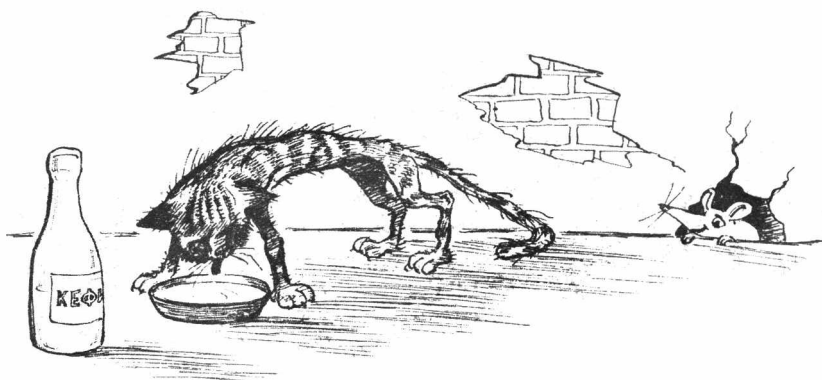
— Безобразие! Опять старый фильм!

Рисунок Г. Оганова.

Сон под Новый год.

Рисунок Р. Матюшина.

Все в прошлом...

Рисунок Г. Оганова.

На старт!
Рисунок Г. и В. Караваевых.

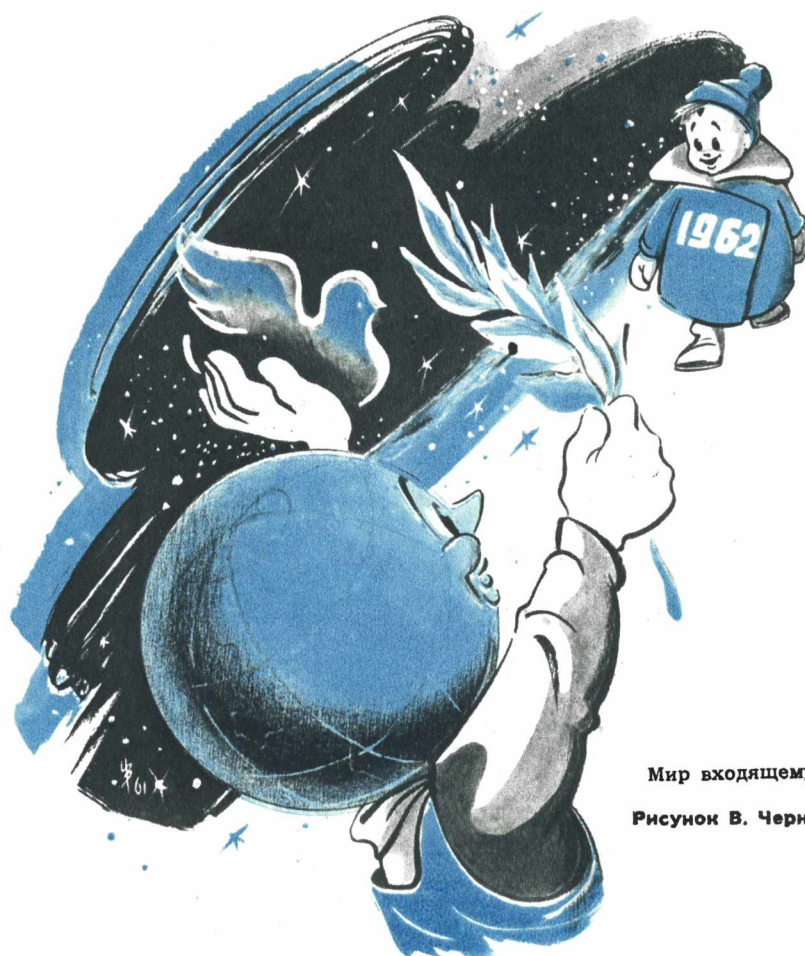
НОВОГОДНИЙ БАЗАР

Продавщица:
— По личным вопросам я принимаю в воскресенье!
Рисунок В. Сигачева.

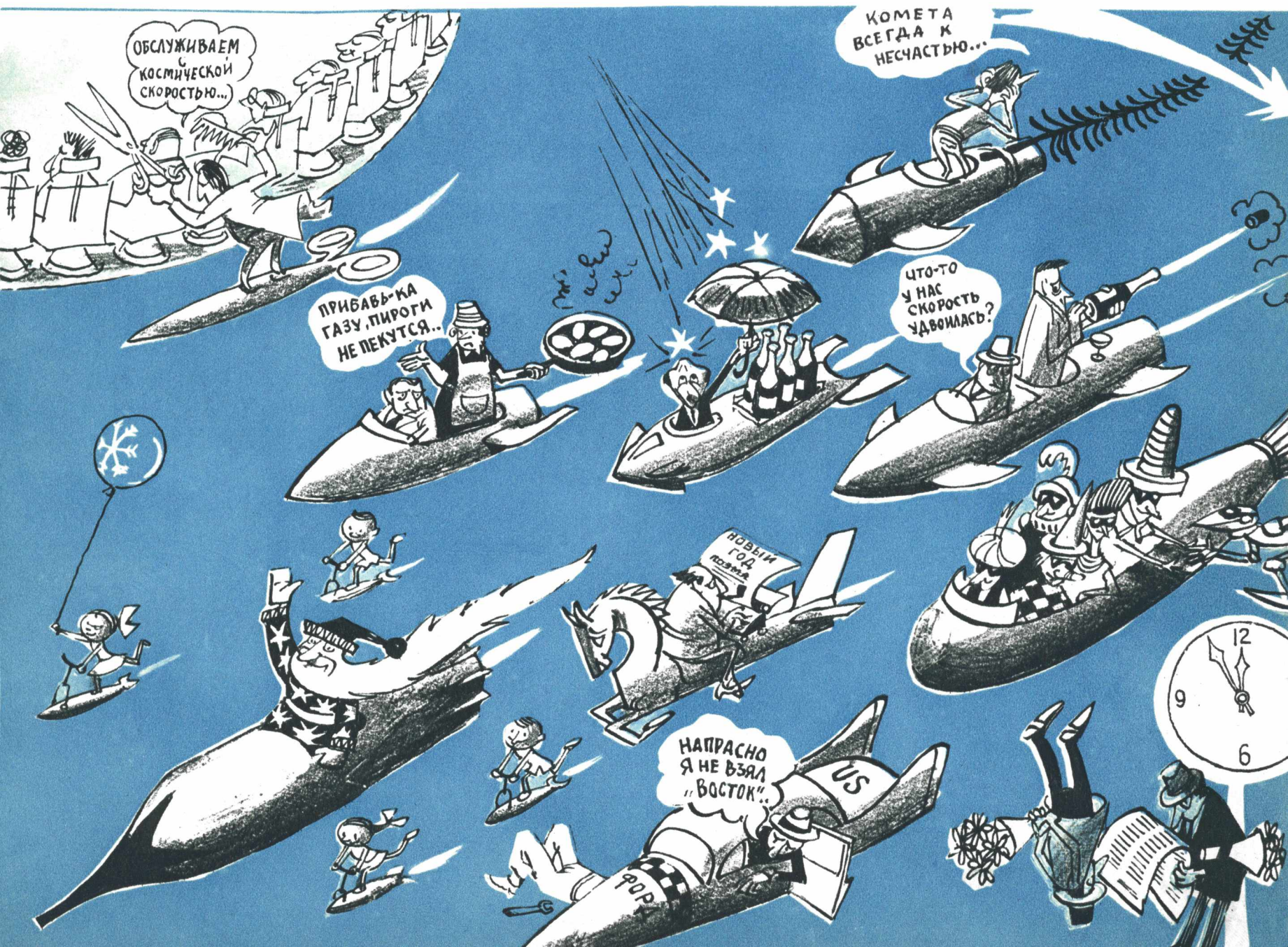

Подготовился...
Рисунок Р. Матюшина.

Мир входящему!
Рисунок В. Черникова.

Без пяти двенадцать в космосе.
Рисунок Ю. Черепанова.

Цена номера 30 коп.

